

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 69

«Психология агрессии

и этика противостояния насилию»

Москва ■

2014

Круглый стол «Психология агрессии и этика противостояния насилию»

16 октября 2014 г.

Участники обсуждения:

Аннинский Лев Александрович, писатель, публицист

Апресян Рубен Грантович, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН

Бортко Владимир Владимирович, заместитель председателя Комитета ГД РФ по культуре; режиссер, народный артист России

Воскресенский Алексей Дмитриевич, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Горелик Александр Семенович, директор Информационного центра ООН

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН

Зимин Дмитрий Борисович, президент Фонда некоммерческих программ «Династия», почетный президент ОАО «ВымпелКом» (БиЛайн)

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник-наставник Мэра Москвы

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Тамбовцев Виталий Леонидович, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Черниговская Татьяна Владимировна, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией когнитивных исследований СПбГУ, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ

Юрлова Татьяна Николаевна, первый вице-президент ОАО «Газпромбанк»

Заседание вел **А. Н. Привалов**.

А. Н. Привалов

А. Н. Привалов

Господа, позвольте открыть пятнадцатый сезон Никитского клуба, поздравляю вас! Немыслимо прекрасная осень позавчера завершена, приходится приступать к прозаическим занятиям.

Итак, господа, наша тема означена в приглашениях, сегодня мы будем разговаривать об агрессии и противостоянии ей. Не могу не поделиться ощущением, что тема как-то на диво актуальная. Ну, собственно, так оно всегда бывает. Я вот не далее как вчера в редакционной статье «Литературной газеты» прочёл, что «как никогда вовремя Россия встречает 200-летие Лермонтова». Человеку опытному всё кстати и вовремя.

Но тут действительно явно актуальная тема: все чувствуют, что агрессия захлёстывает. Естественно, все это чувствуют не по себе, все это чувствуют по окружающим. Как в старинной шутке о секретарше, которая позвонила своему начальнику в автомобиль и сказала: «Будьте осторожны: там, где вы едете, какой-то дурак вылетел на встречную полосу». — «Какой-то дурак!? Да тут их тысячи!»

С. Н. Ениколопов

Вот агрессия — всюду. И это вряд ли случайно. Люди находят этому частные объяснения — общие объяснения можно будет дать только потом, а частные находят самые разные. По-видимому, одно из ключевых — это некий ощущаемый всеми, не понимаемый, но ощущаемый, исторический слом.

В великой книге «Волшебная гора», если вы помните, в одной из последних глав сухо и протокольно, почти как в полицейских документах, господин Манн перечисляет случаи немотивированной агрессии, которые стали раз за разом проявляться в том дорогом санатории для чахоточных, в котором, собственно, дело и происходит. А происходит всё это потому, что началось лето 1914 года. У Томаса Манна это не сказано, у него много чего другого сказано, но понятно, что всё как-то стекло именно к тому, что стали проявляться немотивированные взрывы агрессии. Нечто в этом духе происходит у нас сейчас.

Сегодня, как обычно на наших последних заседаниях, выступают два иницилирующих обсуждения докладчика. Затем обсуждения, вопросы — кому как понадобится. В заключение мы, разумеется, дадим возможность нашим докладчикам оправдаться по всем предъявленным им обвинениям.

“У нас есть веские основания считать агрессию наиболее серьёзной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития. Но если попытаться проследить цепь естественных причин её возникновения — это может помочь.”

К. Лоренц

Итак, первое сообщение делает Сергей Николаевич Ениколопов, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. Тема его выступления: «Психологии агрессии и насилия». Прошу, Сергей Николаевич!

С. Н. Ениколопов

Спасибо, Александр Николаевич. Своё выступление я буду сопровождать слайдами.

Всегда есть искушение спрятаться за спины великих, и на первом слайде — цитата К. Лоренца¹ (рис. 1.) На следующем слайде — определение насилия (рис. 2.)

Проблема заключается в том, что особенно отечественная психология отличается одной очень, на мой взгляд, неприятной чертой — она старается избегать определений, и поэтому всё очень размыто, не очень понятно. А тематика, о которой я говорю, захватывает такие области, как, с одной стороны, собственно психология, а с другой — вопросы, связанные с воспитанием, правом и с огромным количеством других смежных областей, где люди более щепетильны в определениях.

---

¹ Конрад Захариас Лоренц (нем. Konrad Zacharias Lorenz; 1903–1989) — выдающийся австрийский учёный, один из основоположников этологии — науки о поведении животных, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1973, совместно с Карлом фон Фришем и Николасом Тинбергеном).

Насилие — преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб.

И очень часто, из-за того что агрессия и насилие употребляются как синонимичные слова, происходит такое недопонимание. Если ещё умножить на отечественную практику, которая заключалась в том, что из-за процитированного мною Лоренца отдел идеологии ЦК пришёл к выводу, что агрессией у нас заниматься никто не будет,— и не надо заниматься исследованием агрессии, потому что это плохо.

Идея здесь была очень простая: мы боремся за мир, а Лоренц показал, что агрессия имеет биологические корни и будет проявляться всегда. Лучше запретить. И поэтому, с одной стороны, на прилавках магазинов появлялись великолепные издания различных книг Лоренца, а с другой стороны, одному австромарксисту была заказана книга о Лоренце как фашисте — чтобы уравновесить.

Открываем «Большую советскую энциклопедию» (такое определение, кстати, во многих энциклопедиях сохранено до сих пор): «Агрессия — это нападение одного государства на другое». Когда я начал этим заниматься, у меня все издевательски спрашивали: «Что там за „психология нападения государств“?», поэтому я привожу пример определения насилия, данного ВОЗ (рис. 2).

В начале 2000-х годов Всемирная организация здравоохранения очень сильно нам помогла, когда сделала мировой доклад о состоянии в этой области и показала, что, вообще говоря, это большая проблема для здравоохранения. В докладе было показано, что число людей, которые умирают от войн, просто от уголовного насилия,

АГРЕССИЯ — мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.).

от самоубийств и т.д., достаточно велико. Доклад ВОЗ послужил сильным толчком, во всяком случае, для наших исследований в здравоохранении.

На следующем слайде — определение агрессии (рис. 3). Здесь важно присутствие слова «мотивированное», потому что большое число людей приносят вред совершенно случайно. Человек, к примеру, нечаянно наступивший нам на ногу в автобусе или в троллейбусе, не агрессор, мы знаем, что это произошло случайно.

В этом заключается сложность для исследователей. Среди агрессиологов есть такой анекдот: идут двое и ведут диалог: «В этом микрорайоне живут очень агрессивные люди» — «Откуда ты знаешь?» — «Вчера хотели меня избить» — «А ты-то откуда знаешь, что хотели?» — «Ну, не хотели бы, не избили». Мы очень часто в своих исследованиях постфактум — то есть сначала кто-то кого-то убил, избил и т.д. — понимаем, что это агрессия, и дальше исследуем мотивы, почему же он всё-таки это сделал. Поэтому иногда предсказательная функции у нас уменьшается.

Я привожу классификатор потребностей. Это известный специалист по конфликтам и их мирному разрешению Йохан Галтунг², который предложил такую

---

² Йохан Галтунг (Johan Vincent Galtung, род. 1930) — норвежский социолог и математик, выдающийся учёный и практик; основоположник дисциплины «исследования проблем мира и конфликтов».

Й.ГАЛТУНГ ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

- а) потребность выживания
(отрицанием данной потребности является смерть, смертность)
- б) потребность благополучия
(отрицание – нищета, болезни)
- в) потребность в идентичности
(отрицание – отчуждение)
- г) потребность свободы
(отрицание - репрессии)

4

ПРЯМОЕ НАСИЛИЕ

- а) убийство
- б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета
- в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта
- г) репрессии, задержание, изгнание

5

СТРУКТУРНОЕ НАСИЛИЕ

- а) эксплуатация такого типа, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезней
- б) эксплуатация такого типа, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни
- в) внедрение в сознание, ограничение информации
- г) маргинализация, разобщение.

6

классификацию потребностей (рис. 4). А вот дальше более важная вещь — он анализировал прямое, структурное и культурное насилие (рис. 5–7).

Здесь приведено понятие «прямое насилие» — это убийства, репрессии, десоциализация и т.д. (рис. 5).

«Структурное насилие» больше связано с государственным насилием (рис. 6). И здесь вы видите, что насилие не всегда совпадает с агрессией.

И третье, более серьёзное, с моей точки зрения, — это «культурное насилие» (рис. 7). На него мы меньше всего обращаем внимание, но здесь — всё, все самые разные проявления, даже то, что иногда на первый взгляд кажется не таким важным.

Я очень люблю пример, который хочу сейчас привести. Моим преподавателем был очень известный антрополог, профессор Неструх³, который, как гласила легенда, был в первой сотне на уничтожение при взятии Москвы. Потому что когда-то перед войной он был главным антропологом Красной армии и показал, что многососковость [антропологическая близость к приматам] в Красной армии встречается реже, чем в вермахте. И одно это вызвало вот такую большую злобу.

³ Неструх Михаил Фёдорович (1895–1979) — советский приматолог и антрополог. Основные труды посвящены антропогенезу, исследованию психической деятельности приматов.

КУЛЬТУРНОЕ НАСИЛИЕ

аспекты культуры (религия и идеология, язык и искусство, эмпирическая и формальная наука) – которые могут быть использованы для оправдания и легитимации прямого и структурного насилия

7

На самом деле, мы меньше всего обращаем внимание на это. Но как только мы начинаем анализировать всевозможные геноциды, то видим, что культурное насилие оказывается очень важным, потому что это и есть, так сказать, обоснование для населения, почему нужно уничтожить соседа.

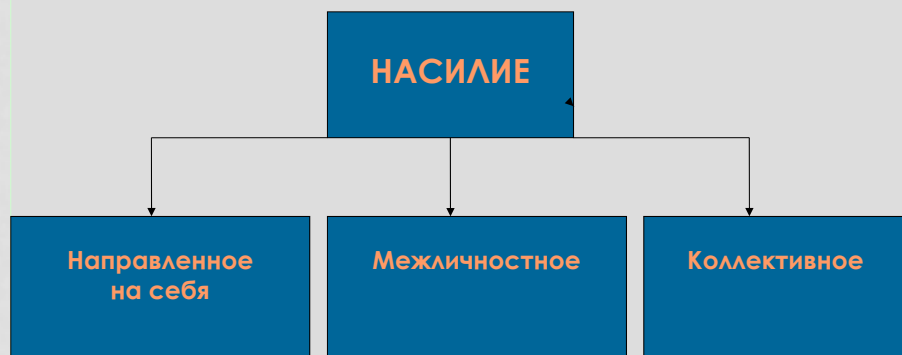
Далее — типология насилия (рис. 8). Здесь я хочу сказать, что, несмотря на то что я привёл пример и сам же сказал, что нужно следить за терминами, в данном случае насилие и агрессия — совпадающие понятия. Это агрессия, направленная на себя, межличностная и коллективная.

Формы межличностного насилия: в семье, в общении, в комьюнити, знакомые или незнакомые, и разные проявления этого насилия (рис. 9).

Для нашей страны, вообще для всех стран, серьёзной проблемой является насилие в семье, потому что оно самое латентное. Есть такие исследователи, которые твёрдо уверены, что если даже мы сделаем всё и сможем уменьшить количество убийств и прочего насилия, то больше всего убийств всё равно будет совершено в результате домашнего и семейного насилия. Оно самое латентное.

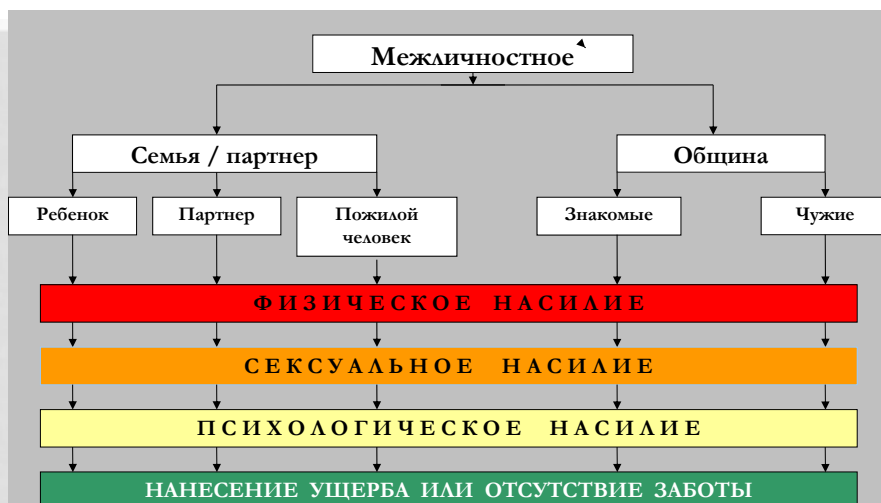
По данным одного из отечественных исследований, только 42% ведущих совместное хозяйство, то есть зарегистрированных и незарегистрированных браков, где не бьют друг друга. Все остальные бьют друг друга: 28% — регулярно, а остальные — эпизодически. При этом я хочу подчеркнуть, что это исследование только пар, то есть

ТИПОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

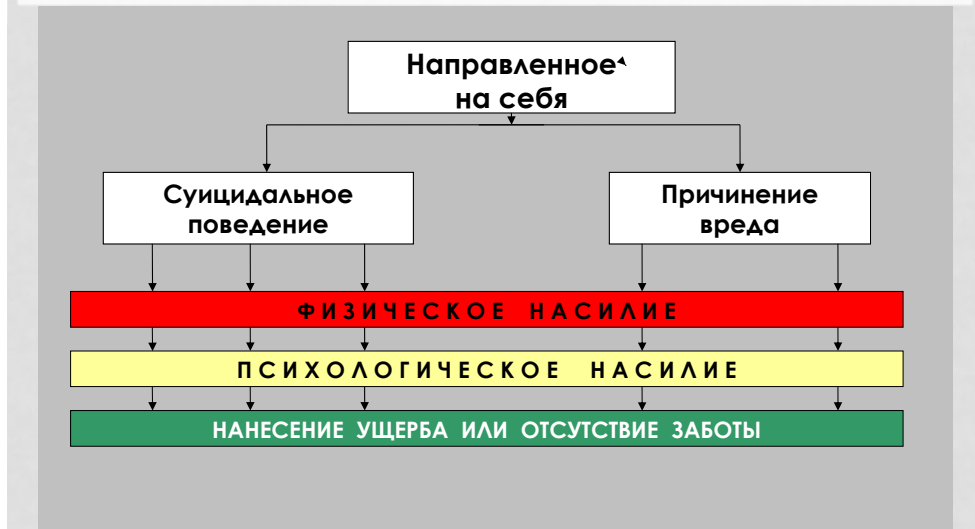
8

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ НАСИЛИЕ

9

НАСИЛИЕ НАПРАВЛЕННОЕ НА СЕБЯ

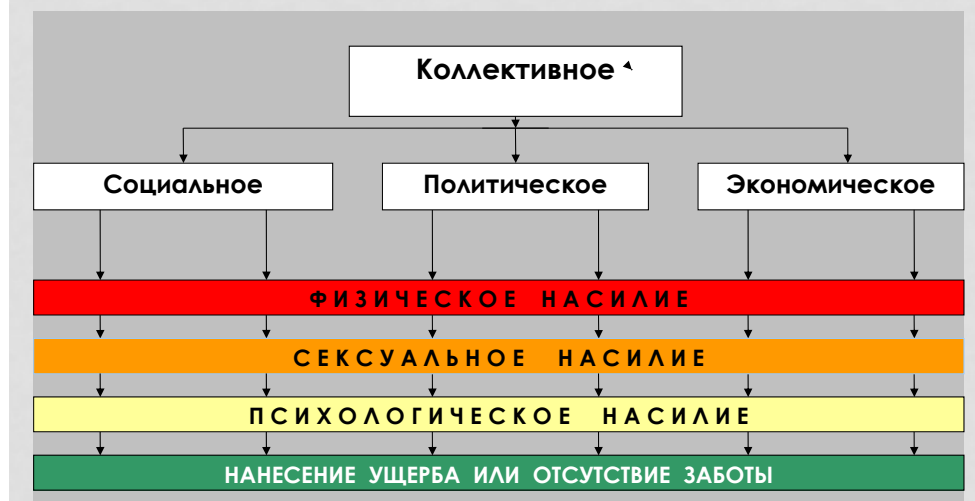
мужчин и женщин. Как они избивают детей, в этом исследовании не учитывалось. Могу вам сказать, что по тем небольшим исследованиям, которые мы проводили, детей они бьют чаще. Это такая пирамида: если бьют супруга или супругу, то перед избиванием детей уже никто не остановится. А в Америке уже происходит перехлест в другую сторону: на 2,5 миллиона избитых жён приходится 2,7 миллиона избитых мужей. **(Из зала: «Yes!»)** Мужья реже жалуются, наверное, их слабее бьют.

Удививший меня здесь факт — все полицейские мира ведут себя одинаково: они больше всего не любят выезжать на вызовы по поводу домашнего насилия. Причём наша отечественная полиция ведёт себя более рационально, она хотя бы понимают, что это безвыигрышное дело, потому что сегодня вызвали, завели дело — завтра эта же дама приходит и забирает всё назад. А у американцев есть твёрдая установка, что больше всего полицейских погибает на домашних разборках, и существуют специальные программы обучения полицейских. На самом деле статистика показывает, что погибают они в уличных перестрелках, а не на домашних разборках. Но нужно преодолеть себя и войти в дом.

Насилие, направленное на себя (рис. 10). Здесь, конечно, больше агрессия, направленная на себя. Это суицидальное поведение и причинение вреда.

У нас был очень тяжёлый период — 1990-е годы. Не помню, какая-то ещё третья страна, но мы и Колумбия были в то время две страны, противоречащие

КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСИЛИЕ

общепринятому тренду. Обычно убийства и самоубийства находятся в реципрокных [обратная взаимообусловленность] отношениях: если много убийств, то мало самоубийств, и наоборот. У нас на протяжении более 10 лет наблюдался одновременный рост — высокий уровень убийств и высокий уровень самоубийств. Сейчас всё уменьшается, здесь можно радоваться. Ну, не очень сильно, конечно, потому что мы ещё всё-таки не достигаем советского уровня, он был ниже.

Причинение вреда — тут масса всяких проблем, от татуировок и всевозможных шрамирования до действительно самоповреждающего поведения, когда человек просто сам себя калечит.

Дальше — *коллективное насилие*: социальное, политическое и экономическое (рис. 11). Экономическое — это действительно насилие: причинение вреда жёстким контролем над расходами, выдачей карманных, и не только карманных денег и т.д.

Как ни парадоксально, если социальное и политическое, и всё, о чём я перед этим говорил, во всём мире исследуется, то экономическое насилие больше связано с западной культурой, там как-то это больше акцентируется.

Следующий слайд — по поводу интерпретаций и исследований (рис. 12). Большая часть высокого уровня исследований *личности* — это исследование агрессивности, контроля над агрессией, того что способствует, что не способствует агрессивному поведению.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСИЛИЯ

12

Намного меньше исследований того, что в реальности большая часть агрессивного поведения связана со взаимоотношениями. Потому что если нет второго участника, то это становится действительно аутоагрессией. В каком-то смысле это стало таким добавлением к тому, что в криминологии, начиная с конца 1950-х годов, называется виктимологией: виктимное поведение жертвы, которая вызывает на себя огонь. Но здесь всё очень сложно, потому что люди так увлеклись виктимологией, что не замечают, что на самом деле это взаимодействие.

Первое советское исследование в виктимологии показало все недостатки виктимологии всего мира. Исследовательница, которая защищала диссертацию, взяла все случаи изнасилования в Советском Союзе, ввела всё это в машину и посчитала. Всё было правильно, и вывод был абсолютно правильный: если вы не хотите быть изнасилованной, то никогда не находитесь в комнате наедине с мужчинами, никогда не танцуйте с ними, не выпивайте и не целуйтесь. Оппонент в своём выступлении сказал, что всё, конечно, хорошо, но боюсь, что это будет последнее поколение людей вообще, и больше виктимных людей не будет. Здесь действительно сложная проблема для исследований, потому что нужно исследовать взаимодействие двух людей как минимум.

Община — что на Западе называют комьюнити. Здесь проблема в том, что возникают разного рода субкультурные явления. Мы знаем, что такое субкультура фанатов. Или на примере такого диалога: «Ты же говорил, что занимался спортом, значит,

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

а) биологический

- этологический подход (К. Лоренц, Й. Эйбль — Эйбльсфельд)
- эволюционистский подход (М. Дейли, М. Уилсон)
- генетика поведения

б) психологический

- психоанализ
- фрустрационная теория (Д. Доллард),
- когнитивный неосоцианизм (Л. Берковиц)
- модель переноса возбуждения (Д. Зилманн)
- теория научения (А. Басс, А. Бандура)
- социально-когнитивный подход (К. Додж)
- модель социального взаимодействия (Дж. Тедеша, Р. Фелсон).

13

боксом и греблей» — «А у нас на районе всегда так: выйдешь, получишь в табло, и гребёшь себе домой». Вот «на районе» — это как раз и есть та самая субкультура, которая поддерживает насилие или, наоборот, не поддерживает. Важность, на мой взгляд, здесь заключается в том, что если внедрить какие угодно профилактические программы, вернуться вокруг личности и даже научить агрессоров вежливости, но человек живёт внутри этой субкультуры и должен в ней быть как-то укоренён или выходить из неё, — без воздействия на эти субкультуральные явления ничего сделать нельзя.

И последнее — это *общество*, которое либо поощряет, либо не поощряет те или иные действия людей, проявления насилия и агрессии.

На слайде приведены различные теоретические подходы, их очень много (рис. 13). Могу сказать, что все — правильные, то есть это не то, что один лучше другого или хуже другого. Это полное отражение притчи о слепых брахманах, ощупывающих слона: каждый подходит со своей теоретической концепцией и вроде бы прав, но вроде и не до конца.

Последнее время модным трендом стал эволюционистский подход, где агрессия понимается с точки зрения эволюции и подчёркивается, что здесь, так сказать, очень много прагматически выгодных ходов, то есть это защита территории, защита своего статуса и прочее. Сейчас очень много работ, которые показывают, что это действительно проявляется и в человеческом поведении.

У нас в стране почему-то моден психоанализ. Могу сказать, — я давно состою членом Международного общества по изучению агрессии, — что психоанализ, вообще говоря, для этого общества и для всех, кто занимается агрессией, это такой исторический пример давно ушедшего. А более интересные вещи — это теория социального научения Альберта Бандуры [канадский и американский психолог], которая в первую очередь подчёркивает, что мы не просто учимся социальному поведению.

Бандура, так сказать, привёл самое важное для этой концепции — что мы учимся очень многому наблюдая, нам не нужны обязательно, как утверждали бихевиористы, пробы и ошибки. Можно без всяких проб и ошибок видеть, что происходит с человеком, который засовывает два пальца в розетку, и не делать этого или делать, если хочется. Человек легко обучается наблюдая, и любой ребёнок проходит все эти формы обучения. По этой причине исследователи стали уделять много внимания влиянию кино, видео и другим демонстрациям насилия как обучающему явлению.

В начале 1960–1970-х годов был такой общий тренд: человек посмотрел агрессивный фильм и пошёл бить морду соседу. Это не нашло подтверждения. Человек возбуждается, ведёт себя иногда немного более агрессивно, но на самом деле чаще всего на агрессивные фильмы, особенно, например, на полицейские детективы ходят в момент страха. Был такой естественный эксперимент: в городе произошло несколько убийств, и на фильм, на который по традиционной кривой уже падала посещаемость, народ пошёл.

В США была проведена большая программа исследования влияния средств массовой коммуникации, которая закончилась слушаниями в конгрессе. Программа продолжалась 15 лет, 2 тысячи с мелочью исследований о влиянии кино- и видеонасилия. И надо сказать, что американское телевидение адекватно отреагировало, боссы отреагировали. Они поняли, что если хотят жить в спокойной стране, то лучше сделать скучное, но ровное телевидение, а тот, кто хочет смотреть фильмы с насилием, пускай смотрит кабельное телевидение и т.д.

Есть ещё одна очень серьёзная форма контроля — комитет американских бабушек. Это пенсионерки, которые содержат свой центр, который мониторит телеканалы, и в конце года сообщаются результаты. И жизнь показывает, что, если бабушки сообщают, что на таком-то телеканале много насилия, там падает реклама. Они достаточно влиятельны, потому что они и есть покупатели.

На следующем слайде — эволюционистский подход (рис. 14). Здесь просто приведено, в чём состоит эффект эволюционистского подхода. Всё перечисленное в нас тоже есть. Вот последнее, например, статистически подтверждается почти во всех странах мира: число убийств, которые совершают отчимы, всегда намного больше числа убийств, совершаемых родными отцами.

Я уже говорил о роли кино и телевидения (рис. 15). Здесь просто приведено, чему способствует просмотр насилия на экране.

ЭВОЛЮЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД

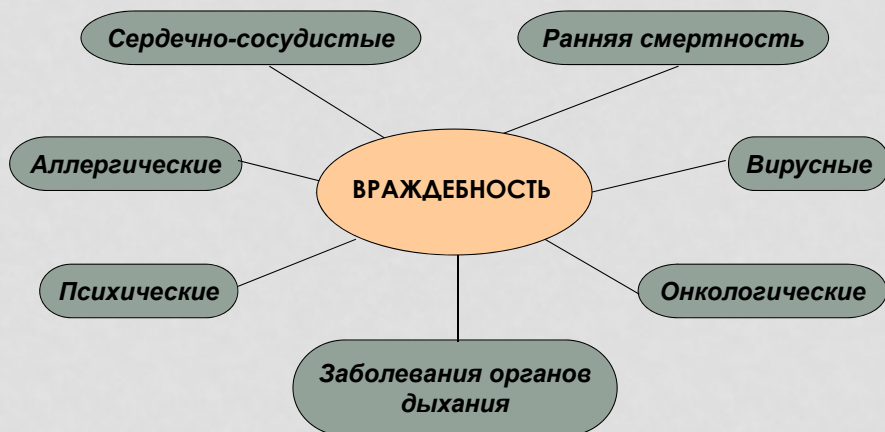
1. решение проблемы адаптации
2. использование чужих ресурсов
3. защита от нападения/агрессии
4. нанесение вреда конкурирующим особям
5. обеспечение и поддержание своего статуса в общей системе иерархий
6. контроль за сексуальной верностью партнера
7. ограничение и контроль ресурсов, направляемых на неродных отпрысков

14

15

Взаимосвязь враждебности с различными заболеваниями

16

Возникают агрессивные убеждения и установки, схема восприятия. Одна и та же жизненная ситуация воспринимается как более агрессивная, потому что я видел это в каком-то ужасном фильме. И вот самое главное — десенсибилизация — это то, что на самом деле почти во всех фильмах не показано страдание жертвы. Жертва-то не страдает, поэтому постепенно у человека исчезает, вообще говоря, биологически заложенное торможение агрессии против кого-либо другого.

Я когда-то повторял эксперименты, близкие к мильграмовскому⁴, когда есть подставной испытуемый, и мы говорили, что его нужно электрошоком, ну несильными ударами, научить правильно решать задачки или вставлять буквы в слова. Как правило, там сидит лаборант, который, конечно, никакого электрошока не получает, а просто нажимает правильно кнопки и только реагирует на показания индикатора, как его собираются наказать.

Одна ситуация — когда мы говорим, что в соседней комнате сидит человек, а другая — когда в дверях появляется человек, и я говорю: «Ой, лаборант появился, значит, испытуемый есть — будем учить». Так вот когда человек видит живого человека, у него агрессивных действий меньше, чем когда он никого не видит: он не понимает,

⁴ Стенли Мильграм (1933–1984) — американский социальный психолог, автор эксперимента подчинения авторитету и исследования феномена «маленького мира» (экспериментальное обоснование «правила шести рукопожатий»).

ШЕСТЬ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ (К. РИФФ)

- позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни (*самопринятие*)
- наличие целей и занятий, придающих жизни смысл (*цели в жизни*)
- способность выполнять требования повседневной жизни (*компетентность*)
- чувство непрекращающегося развития и самореализации (*личностный рост*)
- отношения с другими, пронизанные заботой и доверием (*позитивные отношения с другими*)
- способность следовать собственным убеждениям (*автономность*)

17

кто там страдает. Фильмы играют очень плохую роль в том смысле, что снижают порог восприятия другого человека как страдающего.

И из последних трендов — разведение агрессии на три составляющие: агрессия как поведение, как когнитивное отношение — враждебность и гнев как эмоциональная составляющая. Последние двадцать пять лет самый мощный тренд в исследовании агрессивного поведения — в данном случае враждебности — состоит в том, что он напрямую связан с большим числом заболеваний (рис. 16). В частности, мы уже показывали то, что даже американцы не делали, — связь с психическими заболеваниями, высокий уровень враждебности и при шизофрении, и при маниакально-депрессивном психозе, и шизоаффективном психозе. Я уже не говорю о бронхиальной астме и сердечно-сосудистых заболеваниях. И буквально этим летом мы получили результаты, действительно подтвердившие отсутствие генетической связи с агрессией. А с враждебностью — есть, при болях в сердце.

И последнее — какие могут быть предписания для психологического благополучия (рис. 17). Об этом можно подробнее поговорить в процессе обсуждения.

А. Н. Привалов

Спасибо, Сергей Николаевич!

Рубен Грантович Апресян, доктор философских наук, профессор — «Этика противостояния агрессии». Прошу Вас.

Р. Г. Апресян

Спасибо. Я с интересом слушал презентацию Сергея Николаевича, мы знакомы лет двадцать, но редко ходим друг к другу на семинары и тем более вместе выступаем.

С. Н. Ениколопов

Зато не ссоримся.

Р. Г. Апресян

Да, однако посмотрим, как у нас пойдёт сегодня.

Продумывая сегодняшнее выступление, я полагал, что в общем мы будем с Сергеем Николаевичем комплементарны. Но сейчас я в этом не уверен: как я вижу по предыдущему выступлению, дискурс насилия и агрессии дифференцирован, и его предметные границы могут быть расплывчатыми.

Нет сомнения, что психологические проблемы, связанные с насилием и агрессией, важны в теоретическом плане, они важны в политическом плане, не менее важны в административном (например, при выработке тактики деятельности правоохранительных органов). Но для частных лиц — граждан, обывателей — гораздо важнее другое, а именно психология противостояния.

Как было сказано в начале, все замечают насилие вокруг, но редко кто ассоциирует это с собой. Для нас, не ассоциирующих себя с агрессией и насилием (наверное, есть и такие, кто идентифицируют себя в качестве насильников; но не здесь, среди участников сегодняшнего заседания), гораздо актуальнее то, как противостоять агрессии, каковы возможности психологического воздействия на агрессора. Причём когда я сейчас говорю об агрессоре, верна ассоциация и с международным агрессором. И это очень актуальная проблема, как было замечено в начале. Может быть, в дискуссии мы затронем эту проблематику тоже — темы межперсональной агрессии и насилия и международная или политическая агрессия.

Так вот, говоря об индивидуальной агрессии, противостоянии индивидуальному агрессору, очень важно понимать возможности психологического воздействия на агрессора — возможности манипулирования поведением агрессора с целью минимизации напора агрессии, с целью минимизации последствий агрессии. Я бы хотел провести аналогию с другим тематическим полем, а именно — с обсуждением проблем изменения климата.

Проблематика изменения климата имеет очень интересный этический аспект. При этическом обсуждении опасностей, к которым ведёт изменение климата, ставятся две проблемы — это минимизация негативных последствий изменения климата и адаптация к неизбежным последствиям изменения климата. Адаптация гораздо актуальнее, потому что наши возможности по минимизации изменения

климата (а речь идёт главным образом о негативных последствиях) гораздо меньше, чем наши возможности по адаптации к изменению климата.

Эту схему я предлагаю приложить к проблеме агрессии. Конечно, мы заинтересованы в минимизации негативных эффектов от агрессии против себя. Но важно иметь в виду и возможность адаптации к агрессии — адаптации как тактике противостояния ей, избавления себя от её наитягчайших последствий. Кажется, о какой адаптации может идти речь?

Агрессия бывает разной. К примеру, не так давно, как я могу судить по своим наблюдениям, в Москве был принят некий закон, снимающий ограничения по звуковой рекламе. И вот повсюду в городе ресторанчики не первой руки вывели на улицу динамики, и громкой, порой вульгарной, музыкой, нередко просто трансляцией какого-нибудь музыкального радиоканала, с рекламой и живеньким интерактивом радеют о привлечении посетителей. Чем проще ресторан — тем громче музыка; понятно, они знают свою целевую аудиторию и ориентируются на неё. У ресторанов, условно говоря, премиум-класса, ничего такого я, естественно, не замечал. Любую звуковую рекламу, особенно такого пошиба, я рассматриваю как агрессию. Это аудиоагрессия. Это касается громкой рекламы в метро. Громкая музыка может испортить нам настроение, у кого-то она вызовет головную боль, но сама по себе она не опасна для здоровья, не говоря о жизни. Возмущаясь шумом, желая сохранить свой покой, мы, скорее, займёмся о поддержании своей идентичности, о сохранении достоинства.

Другое дело — агрессия в виде посягательства на собственность, на физическую целостность, мою или людей, за которых я чувствую ответственность, посягательство на здоровье и тем более жизнь. Как сдерживать посягательство агрессора, особенно когда агрессор сильнее и наглее? А агрессор всегда сильнее, мощнее, более подготовлен, в том числе психологически более подготовлен. Мы же в обычных условиях психологически не готовы к встрече с агрессией. Когда же мы не можем противостоять, возникает задача адаптироваться — ради сохранения достоинства, ради сохранения жизни и здоровья. Здесь психологические вопросы возникают с особой остротой. Но вопросы такого рода — противостояния насилию и агрессии — не в меньшей степени предмет и моральной озабоченности, повод для этического размышления и обсуждения.

Выражение «этика силы» нередко вызывает дискомфорт и неприятие: какая этика, если речь идёт о силе? Знаю это по опыту. В 2002 году вышла книга «Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры». Она была создана международным коллективом авторов по инициативе бельгийского политолога. Одним из редакторов русского издания (были ещё английское, повторенное несколько лет назад, и китайское) был я. Получив свою часть авторских экземпляров, я по праву стал, как водится, раздавать книги коллегам.

Проблематика «справедливой войны», а строго говоря, речь идёт об этическом ограничении силы, развита у нас слабо, связанная с ней многовековая традиция не то что

Р. Г. Апресян

плохо изучена, она почти неизвестна. Так что я предполагал, что книга встретит интерес. Интерес, конечно, был. Но порой эта книга вызывала насторожённость, а то и явное неприятие, обусловленное уверенностью, что говорить об ограничениях (а не о запрете) войны, значило в завуалированной форме оправдывать её. Так что попытка разговора о «справедливой войне», о справедливости в войне воспринималась как своего рода несправедливость: война — это всегда насилие, война — это всегда зло.

То же самое с этикой силы. Какая этика, если речь идёт о силе? Этика — это сдержанность, этика — это воздержание от применения силы, это право, это справедливость, это добродетель, это совершенство. Ведь речь не идёт о силе духа, с силой духа всё ясно. Речь идёт именно о физической силе. И вопрос, который здесь возникает: возможно ли нравственно обоснованное применение силы? Опять-таки, хорошо, если это духовная сила. Сам бы я очень хотел обладать такой силой духа, с помощью которой можно остановить агрессора. Но даже Серафиму Саровскому, как мы знаем, это не всегда удавалось, что хорошо видно по его известному облику.

Для Иисуса, для Толстого, для Ганди вопрос прост: никакое нравственное обоснование силы само по себе невозможно. Христианство даёт на этот счёт определённый

ответ. Приведу, для примера, высказывание апостола Павла из Послания к Римлянам: «Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: „Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь“» (Рим. 12:17–19). Эта фраза из Второзакония (32:35), но она полностью принимается новозаветными авторами, и это говорит апостол Павел, собственно, идеолог и мыслитель, утвердивший на основе учения Иисуса Христа христианство.

Те, кто говорит об утверждении в христианстве принципа непротivления злу силой или непротivления злу насилием, не обращают внимания на эти слова. А это как бы обратная сторона заповеди «не противьтесь злumu силой» (Мф. 5:39). Функция подавления зла передана в другую инстанцию. Иной вопрос, как эта инстанция работает. Но ответственность с человека снята.

Для язычника Сократа, в общем-то, тоже было ясно: лучше терпеть несправедливость, чем самому совершать несправедливые дела. Как так? То, что недопустимо совершать несправедливые дела, это понятно, но как терпеть несправедливость? А вот так: земная жизнь скоротечна, жизнь за порогом смерти вечна — надо заботиться о той жизни. Свершивший несправедливость не пройдёт последний суд — суд Радаманта [судья в загробном мире, по греческой мифологии], и душа его будет вечно страдать. А неправедно испытавший несправедливость будет вознаграждён, и его душа получит вечное блаженство. Сократ даже пояснял: если друг твой совершил нечестивое, возьми за руку его и отведи в суд, чтобы суд наказал его, и чтобы он предстал перед судом Радаманта уже очищенным земным наказанием. А если враг твой совершил несправедливость, и никто не знает об этом, сохрани это в тайне, чтобы он предстал перед последним судом со своим грехом и нёс его во все оставшиеся тысячелетние года.

А. Н. Привалов

Коварство какое.

Р. Г. Апресян

Про что я и говорю. Мне кажется, в этических рассуждениях об этих проблемах, вообще в этических рассуждениях, надо отказаться от одномерного восприятия морали и тех дилемм, которые возникают перед человеком. Что значит одномерное представление? Я имею в виду следующее: надо признать, что одно дело нравственные задачи и полномочия, стоящие перед человеком, принимающим решение об инициативном действии, и другое — задачи и полномочия, которые стоят перед человеком, отвечающим на совершённые в отношении него действия. Одно дело действия начальные, а другое — действия ответные, реактивные. Я бы сказал, что здесь развиваются разные этики.

Этика Христа, Ганди и Толстого — это этика инициативных действий: не вреди, не причиняй вред, не чини несправедливость и насилие. Но годится ли эта этика для тех, кто сталкивается с агрессией или опасностью неминуемой агрессии? Это вопрос. Инициативно действующий как будто сам выстраивает ситуацию, он во многом отвечает за то, каков нравственный смысл ситуации, в которой он действует. А как быть человеку, вовлечённому против своей воли в ситуацию, которая изначально насильственна, унизительна, угнетающая, угрожающая? Противостоять или адаптироваться? По достоинству противостоять, противостоять посильно или адаптироваться с потерей достоинства. Это решает каждый сам. Этика здесь ничего не может сказать, то есть она не может дать инструментальное правило, как поступать в конкретных случаях.

Я хочу напомнить один пример, наверное, многие его знают, поскольку лет десять назад этот случай получил довольно широкий общественный резонанс. Осенним вечером 2003 года некая дама 30 лет, назовём её А.И., остановила ночью машину, чтобы доехать на ней до дома. Водитель 24 лет, назовём его С.Б., вместо того чтобы отвезти женщину в указанное место, свернул в тёмный двор и попытался принудить женщину к сексуальному акту. А.И., сделав вид, что согласилась, предложила воспользоваться презервативом из своей сумочки. Открыв сумочку, она выхватила оттуда кухонный нож с лезвием 20 см и ударила им в бедро насильника. Она попала в бедренную артерию, что вызвало сильное кровотечение, в результате которого С.Б. спустя некоторое время скончался.

Намерения насильника не могут вызывать сомнений: удар был нанесён, когда у того были спущены штаны, и он был отчасти обнажён. Мы не знаем, куда метила А.И. Наличие ножа в сумочке она объяснила в суде тем, что в 16 лет уже подвергалась сексуальному нападению, и с тех пор всегда носила с собой в сумочке кухонный нож. 3 июня 2005 года суд Москвы приговорил А.И. к двум годам лишения свободы условно и выплате более 200 тысяч рублей (немалым, по мерке 2003 года, деньгам) — в качестве компенсации за убийство С.Б., чего требовала семья. Однако спустя четыре дня Московская прокуратура потребовала отменить приговор, закрыть уголовное дело, оправдать А.И., что и было сделано. А.И. применила силу для собственной защиты. По трагической случайности применение силы оказалось несоразмерным.

Строго говоря, с юридической точки зрения несоразмерное применение силы уголовно наказуемо. А.И. хотела остановить насильника, в результате же нанесла ему рану, несовместимую с жизнью. Я предполагаю, что А.И. хотела всего лишь остановить насильника. Предположим, что А.И. была бы более точной в своих оборонительных действиях. Можно ли тогда назвать её действия насилием?

Этика силы — это не оправдание силы. Этика силы — это допущение применения силы в ответ на очевидно агрессивные действия или для предотвращения неминуемых агрессивных действий.

Существуют определённые критерии неминимости, но речь идёт об ограничении силы. Говоря о допустимости применения силы, этика говорит об ограничении силы, о применении ограниченной силы. И ограничения эти накладываются определёнными правилами. Такие правила есть. Есть даже несколько разных, скажем так, сводов таких правил. Я приведу один из таких сводов, который сформулировал на основе богатой предшествующей интеллектуальной, нормативной традиции и на основе богатого политического опыта голландский правовед XVII века Гуго Гроций. Вот шесть правил Гроция.

Первое: применение силы оправданно, если она *не нарушает чужого права*. Ограничение на применение силы касается в первую очередь целей, ради которых она применяется, или причин, из-за которых её можно применить. Такими причинами являются *самозащита, возвращение имущества и наказание*.

Второе: использование силы может быть оправданным для *предотвращения* ущерба, в порядке *упреждения*. В современной политической теории принято различать предупредительное и превентивное применение силы. Превентивное применение силы направлено против некоей возможной опасности. Предупредительное применение силы имеет в виду очевидную и неминимую опасность.

Третье: использование силы может быть оправданным для защиты чужих прав, в первую очередь тех, кто находится на нашем попечении, за кого мы несём ответственность, с кем мы связаны обязательствами или по отношению к кому мы испытываем чувство какой-либо общности, а значит, в пределе — каждого.

Четвёртое: применение силы оправданно, если благо, на достижение которого оно направлено, существенно превышает испытанное или возможное зло.

Пятое: применение силы морально оправданно не только благодаря цели, но и благодаря действительным намерениям, с которыми сила задействуется. Разумеется, применение силы недопустимо, если необходимость защиты, возмещения ущерба или наказания используются как повод для применения силы, а действительные намерения, ради которых к ней прибегают, эгоистичны.

Шестое: сила должна применяться в качестве крайнего средства, когда очевидно невозможны ни переговоры, ни посредничество. Применение силы должно быть градуированным: сила не всегда, и далеко не всегда, радикальна. Прежде чем стать разрушительной, она может быть подавляющей, ограничивающей, а то и просто угрожающей.

Из сказанного видно, что моральные правила не являются инструментальными правилами, не являются правилами непосредственного применения. Они, скорее, задают рамку допустимого поведения. Как эту рамку применять в конкретной ситуации, каждый решает сам ситуативно, и решает ответственно — ответственно в том смысле, что несёт ответственность за последствия своих действий. Главное, что эти правила нуждаются в постоянном обдумывании и обсуждении (проверочном, испытательном, тренировочном).

А. Н. Привалов

Спасибо, Рубен Грантович. В ходе почти всей Вашей речи меня просто переполняло желание Вам возразить, но я этого делать не буду, поскольку мы сейчас приступаем к упорядоченному обсуждению. Я правильно понимаю, господа? Сначала зададим вопросы или будем это делать вперемешку — как удобнее? Ну, давайте вопросы сначала, чтобы уж совсем просто было. Кто хотел бы спросить? Прошу Вас.

А. Д. Воскресенский, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Вопрос к Сергею Николаевичу по поводу предпоследнего, кажется, слайда — связи насилия и заболеваний (рис. 16). Если исходить, как я понял, из биологической природы, то тогда за 5 тысяч лет носители насилия должны исчезнуть в результате такой связи. Здесь либо что-то сложнее, либо я неправильно понял.

С. Н. Ениколопов

На самом деле, я показывал связь заболеваний с враждебностью. Дело в том, что в психоаналитической концепции с 1930-х годов возникла идея, что высокий уровень агрессивности, который мы сдерживаем в силу, может быть, нашей высокой морали, — кто-то сравнивает это состояние с паровым котлом или с кипящим чайником, или кто-то любит метафору «сливного бачка», — должен, вообще говоря, разрядиться. Если этого не происходит, то разрядка происходит в форме заболеваний. Была выделена основная группа психосоматических заболеваний, связанных с подавленной агрессией, — гастрит, колит, высокое давление и т.д.

Последние лет двадцать–двадцать пять показывают, что на самом деле с агрессией это никак не связано: можно орать, кричать, топтать ногами и всё равно заболеть. Потому что в первую очередь важна картина мира конкретного человека. Скажем, если он высоко враждебен, то он в нашем собрании увидит присутствие очень мрачных, тяжёлых и готовых на всё людей; если он нейтрален, то он видит, что люди просто, так сказать, собрались. И в этом смысле никакого эволюционного исчезновения тех и других, как вы понимаете, не происходит. Хотя острые формы вымирают.

Т. В. Черниговская, профессор, завкафедрой, завлабораторией когнитивных исследований, СПбГУ.

У меня, на самом деле, 100 вопросов, я, разумеется, их не буду задавать.

С. Н. Ениколопов

По 50 на каждого?

Т. В. Черниговская

По 100 на каждого. Сергей Николаевич, у меня вопрос вот какой. Всё-таки, при том что я не предлагаю выходить на политическую тему буквально, но если говорить об общем ощущении, которое, я думаю, у нас у всех похожее, что это вроде

Т. В. Черниговская

цунами — наплыв агрессивности, которая в каждой поре, в каждой молекуле, она становится всё больше, больше и больше, и она неуправляема. Мой вопрос вот к чему.

На всё, что сейчас было сказано, нужно наложить ещё такую сетку, как кросскультурные различия. Потому что, скажем, для самурая это одно поведение, а для людей другой культуры — любой на выбор — другое. Вот эта самоиндукция будет расти независимо от того, отвечаем мы или не отвечаем на агрессию? Может быть, надо врезать как бы между глаз, и оно как-то утихнет? Повторяю, я без политических намёков.

С. Н. Ениколопов

Нет, хотелось бы узнать, кому Вам хочется врезать.

Т. В. Черниговская

Нет, ну правда, есть ли вообще смысл на это отвечать?

С. Н. Ениколопов

Я серьёзно.

Т. В. Черниговская

Есть ли шанс остановить агрессию, которая уже, как маховик поехал, или он, пока всё не разнесёт, так и будет носиться? Вот — как? Можно это разобрать на примере индивидуальной какой-то ситуации, если хотите? Общая какая-то собственная жизнь у этого процесса агрессивности есть?

С. Н. Ениколопов

Вообще есть, собственная жизнь у этого процесса есть. Но он действительно даёт иногда очень сильный сбой. И не случайно последние двадцать лет, даже могу точно сказать с 1988 года, в психологию агрессии введено понятие зла, иногда, так сказать, забегающее на территорию философов и моралистов.

На самом деле, злом обозначено чрезмерное насилие. Как правило, речь сначала шла о геноцидах, благо XX век дал как минимум 50 случаев геноцида — маленьких, больших, разных. **(Вопрос из зала:** «Есть маленькие геноциды?») Их очень часто не называют геноцидами, а называют массовыми убийствами, но от этого разве что только слово длиннее. Это юридические игры.

Потом эти исследования стали развиваться на случаи, когда насилие проявляется далеко за пределами рационального. Ну, вот история с деревней Сонгми⁵, которая абсолютно бессмысленна с точки зрения военной операции. Почему нужно старичков, детей и прочих уничтожать? Выяснялось, что в этих действиях есть рациональные ходы. Хотя всё вразнос, но играет свою роль привыкание — привыкание людей, которые в обычной жизни никогда бы ничего такого не сделали.

В частности, известен случай, когда всё было запротоколировано (повезло, конечно, исследователям). Был взят батальон немецких резервистов, представлявший собой полную кальку социально-демографических параметров страны. Батальон из Гамбурга, оказавшийся в Польше. Командование сказало, что резервисты имеют полное право отказаться, но им предлагается уничтожить одно совершенно мирное местечко, просто уничтожить. И было запротоколировано, какое количество людей отказалось — им ничего не сделали, они просто отказались в этом участвовать. Другие поехали, поубивали всех этих детей и старушек, плакали, рыдали, напились, блевали, то есть всё было как положено. Потом это повторилось ещё раз, потом ещё раз. А через некоторое время, когда им сообщили, что их переводят на Украину, то командир отметил, что было много людей, которые подходили и спрашивали: «На Украине-то нам разрешат заниматься тем, чем мы занимались в Польше?». Вот такое привыкание.

В этом смысле понятно, что процесс может запускаться как в одну сторону, так и в другую. Другое дело, что иногда для этого, так сказать, нужен ввод войск

---

⁵ Военное преступление, совершённое американскими солдатами в деревенской общине Милай (вьетн. Mĩ Lai) в округе Сонтинь провинции Куангнгай в Южном Вьетнаме, 1968 г.

из соседних стран. С разными намерениями — в политике начинаются свои маленькие игрушки. Но в Руанде всё остановлено не двумя противоборствующими сторонами, а приходит и начинает останавливать третья сторона.

У меня нет прямого ответа типа «да — нет» на вопрос, дать по морде или не дать. Я поэтому и спросил, кому врезать? Да, иногда нападающий не знает, что ему могут дать отпор. Но из-за этого происходит то, что сейчас происходит во всём мире.

И вот этот доклад ВОЗ, о котором я говорил, обратил внимание — на что криминологи, кстати, не обращали внимания, — что новой жертвой стал пожилой человек. Если до этого чаще всего встречались жертвы семейного насилия, дети, то второй пик составляют пожилые люди как относительно слабые. Здесь обнаружилось самое гнусное в нашей практике. Я был в гостях в Петербурге, где присутствовал также человек, который работал на телефоне доверия для молодёжи в связи с сексуальным насилием. И вдруг выяснилось, что часто звонят старушки. Милиция им отказывает, и они понимают, что в милицию ходить бессмысленно, и единственное, куда они могут пожаловаться, это анонимный телефон доверия. А потом выяснилось, что то же самое есть и на Западе. И это не то чтобы табуировано, но просто этому никто не придаёт большого значения.

Т. В. Черниговская

Может, это «мутация» какая-то произошла? Я, конечно, в кавычки беру, но тем не менее. Это что случилось с людьми, которых вдруг понесло так?

С. Н. Ениколопов

А самоутвердиться где? Это одна из основных причин.

Я могу назвать три важные формы агрессивного поведения. Одна тривиальна: человек не выучил никакого другого языка. Здесь присутствует много дам, которые наверняка помнят, что в младших классах люди, которые за ними ухаживали, дёргали их за косички, выбивали портфель или наступали на пятку. Потом эти же молодые люди, так сказать, разнообразили свои формы ухаживания и очень часто просто вешали лапшу на уши вербально. Но некоторые так ничему и не научились и твёрдо уверены, что надо хлопнуть человека по плечу — и человек должен сам понять, доброжелательное это или недоброжелательное похлопывание. Ну нет у них в репертуаре ничего другого, поэтому они выражают свои симпатии и антипатии одним и тем же способом.

Вторая форма — это феномен козла отпущения: на ком разрядить то, что у меня накопилось на работе и пр. Японцы придумали после работы избивать манекен начальника. Но в реальности — за холодный суп, за то и за сё — семейное насилие на этом построено, поэтому и детям достаётся.

И третья форма — это защита собственного «я», своего представления о себе. Поскольку в реальной жизни это «я» подвержено огромному количеству угроз,

не реальных угроз, а вот просто «вы меня не уважаете?» — и как этого добиться? Можно легко добиться на улице со старушками.

А. Н. Привалов

Если позволите, я бы всё-таки уточнил, как мне кажется, вопрос Татьяны Владимировны, потому что она его задала надвое — можно разговаривать хоть о геополитике, хоть о домашнем насилии. Я бы всё-таки свёл к личностным аспектам.

Сейчас, например, тех, кто профессионально, вроде меня, неизбежно в этом варится, безумно раздражает сетевая атмосфера. Она изменилась у нас на глазах за последние полтора–два года. Что происходит? Ведь в сети как раз самоутвердиться вот таким образом ничего не стоит, и всегда ничего не стоило. Тем не менее на каком-то этапе это стало вырождаться в вал агрессии всех против всех.

Что происходит? Именно в этом смысле — каково должно быть, могло быть поведение разумного человека?

С. Н. Ениколопов

Могу ответить. Лет десять назад мы с моими коллегами опубликовали работу об агрессии в Интернете. Тогда это была совершенно другая среда. И мы показывали, что в интернет-среду уходят как раз те, кто боятся реальной жизни. Кроткие, тихие — вот они там прячутся.

А за последние годы это изменилось просто кардинально. Я ещё не видел, но только что вышла наша с коллегами книга «Агрессия в обыденной жизни»⁶, где есть немного о вербальной и сетевой агрессии, о том, что вообще происходит в Интернете. Агрессия стала совершенно потрясающей. Но в принципе можно было предположить, что она должна уйти в сеть. Более того, сейчас наблюдается феномен, одинаковый во всём мире, в цивилизованных странах и у нас тоже. Насильственная преступность падает. Она падает в разных странах, от Колумбии до России.

Этому есть разные объяснения. Одно из них — агрессоры ушли в сеть, они там находят себе объекты, там разряжаются, а на улице они уже не появляются, потому что заняты в Интернете. Мне не очень нравится эта концепция. Но то, что общество подготовило агрессивных людей, которые ведут себя агрессивно и в реальной жизни и в Интернете, — можно было предположить, что постепенно агрессоры туда придут и будут вести себя более агрессивно. Естественно действует инерционность, это не то, что вот с 9-го числа такого-то месяца все начали хамить в Интернете.

А. Н. Привалов

То есть это надо приветствовать.

---

⁶ Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОСПЭН, 2014.

С. Н. Ениколопов

Нет, я бы не стал приветствовать. Я же сказал, что мне не нравится эта концепция. Это только какая-то часть объяснений. По мне-то, в общем, это, знаете, как в старом анекдоте: «Сколько стоит капля воды?» — «Ничего» — «Накапайте стаканчик». В обществе много разных капель. Одна из капель заключается в том, что молодёжи меньше стало — рождаемость-то падает — либо она уезжает.

В прошлом году была такая мощная дискуссия о том, разрешать или не разрешать продажу оружия. Одним из доводов было то, что в Эстонии разрешили продажу оружия, и преступность упала на 40%. Я, естественно, быстро набрал в Интернете своего старинного приятеля, эстонского криминолога, и спросил, правда ли, что вот так оружие подействовало. На что старичок разошёлся и язвительно написал, что, вообще говоря, в молодости ты учился криминальной психологии и должен бы знать, что преступность связана с молодёжью: если у тебя молодёжь уехала на 40%, то и насильственная преступность упадёт на 40%, независимо от того, продал ты старичкам оружие или нет.

А. Н. Привалов

Прошу — профессор Тамбовцев.

В. Л. Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

У меня такой вопрос, Сергей Николаевич. Наверное, есть какие-нибудь хорошие статистические исследования типа связи личности, скажем, в координатах большой пятёрки и агрессивности?

С. Н. Ениколопов

Да, есть. Я не беру психопатов — это отдельная группа, трогательная, но отдельная. Другая часть — это то, что называется «тёмная триада»: эгоизм, макиавеллизм и психопаты как раз. Но в первую очередь для нормы — то же самое, то, что называется эгоизм, то есть это не эгоизм, а такая высокая самооценка. Ближе к нарциссам, но не вариант истероидного нарцисса типа «вот полюбите меня! мне кажется, что вы задеваете своим вопросом „мое я“, не хотели бы получить в ответ?» В этом смысле из большой пятёрки можно выделить тип психопатии — психотизм.

В. Л. Тамбовцев

А Адорно⁷?

---

⁷ Визенгрунд-Адорно (Wisengrund-Adorno) Теодор (1903–1969) — нем. философ, социолог, композитор, теоретик музыки. Основной труд «Авторитарная личность» (коллект., 1950), где описаны разные типы личности с точки зрения предрасположенности к принятию «демократического» или «авторитарного» руководства.

В. Л. Тамбовцев

С. Н. Ениколопов

Вы знаете, Адорно и Фромм⁸ — это такие милые вчерашнедневные люди.

А. Н. Привалов

Мне не очень нравится культурология господина Адорно, поэтому я рад, что он устарел.

С. Н. Ениколопов

Дело в том, что он выделил этот авторитарный тип личности, используя в своей теории самые простые связи: если в детстве человека бил папа, то и он вырастет таким. Огромное количество людей, которых бил папа, выросли в противовес этому добрыми, милыми, и не то что человека — мухи не хотят обидеть.

С «предубеждённостью»⁹ дело обстоит хуже. У нас даже есть работа по предубеждённости. Нам удалось найти некоторую группу наших правых (PHE, скинхеды

---

⁸ Зелигманн Фромм Эрих (Erich Seligmann Fromm, 1900–1980) — социальный психолог, философ, психоаналитик, один из основателей неотрейдизма и фрейдомарксизма.

⁹ Предубеждённость — результат универсальных психологических процессов, таких как защитные механизмы. Эти процессы являются неосознанными и, возникая из-за воздействия стресса,

и пр.), и оказалось, что для многих из них серьёзной проблемой является поло-ролевая идентичность. Все возились с традиционной теорией, идущей от Адорно, рассматривая этот тип поведения на грани скрытого гомосексуализма. У нас же всё оказалось совершенно иначе.

Это нормальные по поло-ролевой идентичности люди, но их идеал мужчины на порядок круче, чем они есть. И когда я как-то говорил об этом в своей лекции, один старый разведчик, бывший резидент в Мексике, спросил, не догадываюсь ли я, что то, о чём я рассказываю, — это про мачо. Я сказал, что знаю, что такое мачо, но не очень, видимо, хорошо. На что он ответил, что это мальчик, который вырос на женской половине; женщины его воспитывали, и его идеальный образ мужчины — некая выдумка: мужчина, скачущий по прерии, а женщины падают направо и налево от восторга.

Вот эта мечта, этот разрыв между реальностью и мечтой, в совокупности с разного рода другими параметрами очень часто приводит к всевозможным последствиям. Мы даже публиковали работы по предубеждённости, уже более современные, чем Адорно.

А. С. Горелик, директор Информцентра ООН

У меня к обоим нашим докладчикам — спасибо за очень интересные комментарии — такой вопрос, он касается коллективного сексуального насилия. Последние лет десять в разных исследованиях, документах ООН вырисовывается всё более значительный и более опасный, тревожный феномен — массовое, коллективное сексуальное насилие, насилие во время гражданских войн, конфликтов, прежде всего, в Африке (Заир и т.д.). И сначала это воспринимали приблизительно, как просто порождение классического принципа «победитель получает всё»: мы победили, и все женщины наши.

Потом, когда стали исследовать, выясняется, что насилуют не только женщин, насилуют детей, старух, мужчин в значительной степени. И это один из очень эффективных, как выяснилось, инструментов гражданской войны, потому что противостоящую тебе социальную, этническую группу ты коллективно унижаешь, ломаешь у людей способность к сопротивлению. Ты вносишь очень глубокий раскол в общество или в социальную группу, которая тебе противостоит, потому что они все, грубо говоря, тобой унижены. Мой вопрос касается следующего: а новый ли это феномен или так в истории было и прежде?

угрозы или фрустрации, находят выход в предубеждённости против меньшинств (А. Фрейд, Ж. Лапланш, Ж. Понталис, В. Менинжер, М. Лиф, Г. Блюм и др.). Пример психодинамического подхода — концепция «авторитарной личности», предложенная Т. Адорно и коллегами. Авторы предположили, что жёсткий стиль воспитания приводит к подавлению враждебности против авторитетных фигур и к тенденции вымещать гнев и возмущение на слабых индивидах.

А. С. Горелик

С. Н. Ениколопов

Так в истории было и прежде. Все войны такие. То же самое было сейчас в Югославии. То, что время от времени любят говорить про Германию, про нас. Но да, конечно, самое лучшее — изнасиловать прилюдно, чтобы все видели. Это действительно для того, чтобы сломать людей.

А. С. Горелик

Нет, про нас всё-таки я думаю, это больше насилие мужчины против женщин.

С. Н. Ениколопов

Да, естественно, что мужчины против женщин. Больше — потому что большого количества мужчин к этому времени уже нет, их убили. И в Африке то же самое — женщин, естественно, больше. Это как некий элемент войны. Это просто нужно понимать. Может быть, мне сейчас Рубен Грантович возразит.

Р. Г. Апресян

Это старо как мир.

М. И. Москвин-Тарханов

С. Н. Ениколопов

Это старо как мир. И это, если отбросить этическую сторону, входит в комплекс войны. Вот если говорить об архетипах войны, то это один из архетипов войны.

М. И. Москвин-Тарханов, советник-наставник Мэра Москвы

У меня такой вопрос. Есть какие-то знаки агрессии, они проявляются в одежде, они проявляются в каких-то формах поведения. Даже ещё Лоренц описывал на границах *ареалов обитания* разнообразные агрессивные знаки, и они *иногда* совершенно неожиданные. Вот ты ожидаешь одного агрессивного знака, а получаешь совершенно другой агрессивный знак. Сейчас я поясню, что я имею в виду.

Случилось так, что я двадцать лет вёл депутатский приём. И выглядывает моя помощница в приёмную и смотрит, кто сидит — будет скандал или нет. И вот если сидит дама в шляпке — это *часто* агрессор. Она говорит: «Трое в шляпках». Ты готовишься, ты сжимаешься.

Вот почему шляпка — знак агрессии, я понять не мог. Это я имею в виду на приёме, не знаю, как в других местах. Но почему шляпка, дамская

шляпка — знак агрессии? Значит, человек пришёл выяснять отношения всерьёз. Почему другие знаки — казалось бы, кожаная куртка, вся расшитая молниями, ничего не значит? Это, скорее всего, пришёл человек, который всего боится. Это интересная связь.

Сейчас же все одеваются, как хотят. И можно даже по одежде, встречающейся в толпе, определить потенциального агрессора — в зависимости от того, во что он одет. И это будет совсем не обязательно страшная куртка с какими-то челюстями. А вот что-то он на себя надел такое — и он уже агрессивный человек. Проводились ли когда-нибудь такие исследования?

С. Н. Ениколопов

Поскольку у нас никто даже в городской думе таких исследований на приёме не делал, то ничем помочь со шляпками не могу. Есть исследования английских футбольных хулиганов. Существуют *знаки*, за которые сейчас в радиусе полутора километров от стадиона полиция имеет право арестовать без всякого разрешения суда. С нашей точки зрения, знаки эти просто милейшие. В Москве несколько лет назад о футбольных хулиганах докладывал английский полицейский, а в зале сидели болельщики, два-три болельщика ЦСКА в кепочках, и один из них так хамовато говорит: «И что же, меня задержат?». Полицейский отвечает: «В Англии даже не спрашивают, просто арестовывают». Кроме кепочек ещё и ремни с определённой символикой. Притом, если раньше — 1960–1970-е годы — это были ремни ближе к фашистской символике (стрелы и кресты), то сейчас знаки изменились. И полиция за этим всё время следит. Но, подчёркиваю, у нас подобных исследований никто не проводит.

А. Н. Привалов

Это надо понимать так, что вы устали отвечать на вопросы?

С. Н. Ениколопов

Нет, я поражён, что ни у кого нет желания задавать этические вопросы!

А. Н. Привалов

Этические вопросы требуют развёрнутых выступлений. Услышите, услышите.

С. Н. Ениколопов

Нет, ну а можно ли дать в морду насильнику? Не знаю, это вопрос к Рубену Грантовичу, а не ко мне.

Р. Г. Апресян

Позвольте ответить на Ваш вопрос [М. И. Москвину-Тарханову]. Мне кажется, это, конечно, не этическое, а скорее психологическое наблюдение, — очень часто

в качестве агрессивного воспринимается необычное. Необычное, которое в разных культурных средах проявляется по-разному.

Вы спрашиваете, проводились ли исследования. Но Вы сами можете уже выступить, так сказать, исследователем, используя свои наблюдения и свой опыт. Интересно было бы понять, есть ли какая-то дифференциация в шляпках, к примеру.

С. Н. Ениколопов

Нет, а потом нужно ещё спросить у других депутатов. Вполне вероятно, что шляпки только на Вас реагировали — Вы как стимул шляпок. А соседний депутат страдал от пилоток.

М. И. Москвин-Тарханов

Нет, проверено, проверено, проверено: у всех именно шляпка.

Р. Г. Апресян

Очень странно. Это очень неожиданно. Но то, что вообще незнакомое вызывает чувство опасности и, соответственно, ассоциируется с агрессивностью и в свою очередь может провоцировать неадекватное поведение — это факт.

А. Н. Привалов

Ну, это же известно. В «Волшебной флейте» у Моцарта, когда Папагено, который весь в перьях, видит Моностатоса, который мавр, — оба несколько непривычны друг для друга, оба друг друга пугаются. Это правильно, так всегда было.

С. Н. Ениколопов

Ну, тут два варианта: либо разбежаться, либо морду набить.

А. Н. Привалов

Они так и делают, сначала вроде собираются подраться, а потом фьють. Ещё вопросы, пожалуйста.

Т. В. Черниговская

Можно вопрос? Я сначала про шляпку — гендерное, да. Мне ситуация эта понятна. Я бы сказала так. Если бы я пошла на опасный, серьёзный разговор — можете не сомневаться, я подготовилась бы во всех смыслах, подобрала бы правильные духи, была бы одета в серьёзную дорогую одежду и т.д. Я пришла бы в униформе, скажем так, или даже не в униформе, а в защитном костюме. Так что мне это понятно. Но я, конечно, не потому к микрофону рвалась.

Сергей Николаевич, у меня вот какой всё-таки вопрос — про компьютерные игры и кино. Ведь предыдущая версия была такая, что вот пусть смотрят все фильмы ужасов, весь этот кошмар — это как бы такой...

С. Н. Ениколопов

Катарсис.

Т. В. Черниговская

Ну да, катарсис. Пусть они испытают это дома, у экрана, а не выходя на улицу. Но ведь этот номер же не прошёл!

С. Н. Ениколопов

Не прошёл.

Т. В. Черниговская

Не прошёл совсем. А про компьютерные игры — ведь мы же знаем, что там происходит. Там нет смерти, а есть кнопка on/off. Надоело или проиграл — выключаешь, и всё сначала. Это кардинально меняет картину мира не только для данного человека, это вообще смещает все мировые координаты. И уже не первое поколение растёт в ситуации изменённых мировых координат. Это же, вообще, не так просто!

С. Н. Ениколопов

Да.

Т. В. Черниговская

Так что Вы думаете по этому поводу?

С. Н. Ениколопов

Ну что я думаю? Жалко, что всем этим мало занимаются психологи, а в нашей стране практически не занимаются. Но могу привести просто такой пример. Много лет назад, лет восемь назад, в детскую психиатрическую больницу привели мальчика, который неоднократно с десятого этажа сбрасывал одинаковых котят. Привели его как такого супержестокого больного, а мальчик врачу говорит: «Я не понимаю, отчего суета? Их же должно быть шесть». Он сбросил уже четыре. Тут врач всё-таки был поумнее, и стал расспрашивать, а откуда шесть, что такое? Оказалось, что он играл в игру, где шесть котят исчезают на разных уровнях, на первом, втором и пр. Для него это главное, у него никакого сопереживания, про живое-то он никогда и не думал.

Это то, с чем мы сейчас сталкиваемся. Исчезли дворы. Дети не социализируются в условиях двора, они социализируются в условиях сети. Но, понимаете, с моей точки зрения, ни смайлик, ни лайки не могут заменить простого дружеского подзатыльника и вот этого ощущения, когда вы догадываетесь, что это подзатыльник поощряющий, этот — наоборот, унижающий и т.д. И нужно уметь реагировать на разного рода ухмылки и телесные даже касания. А этого нет, просто этого как психологического класса не существует!

И поэтому может возникнуть вещь, которая следователей приводила в изумление: избивают какого-то мальчика или учительницу и вывешивают это в Интернет. «Ну, вы понимаете,— говорит следователь,— у меня в голове не укладывается. Это же самодонос называлось по-старому». Человек сам всё за следователя сделал. И следователю нужно сделать только одну вещь: доказать, что это не подделка. Хулиган сам на себя донёс, но он же живёт в другой жизни. Зато у него огромное количество посетителей этого клипа.

Это другая жизнь. И то, о чем я частично рассказываю,— это из прошлой жизни. Это когда люди ведут себя, как мы привыкли.

А. Н. Привалов

То есть когда кровавый режим, наконец, запретит все социальные сети, человечество начнёт выправляться. Я правильно понимаю?

С. Н. Ениколопов

Ну, не сможет уже.

А. Н. Привалов

Да, похоже, что это трудновато.

С. Н. Ениколопов

Нет. Джинна-то выпустили.

А. Н. Привалов

Владимир Владимирович, прошу!

В. В. Бортко, депутат Госдумы РФ

Бортко Владимир Владимирович, простой человек, член Думы. И хотел бы, чтобы Вы меня сейчас просто переубедили или сказали, как я глубоко неправ.

Дело в том, что я выступаю в какой-то степени защитником агрессивности как таковой. Я самый большой агрессор для себя сам. Более того, и господин Привалов, сидящий здесь, тоже агрессор — то, что мы видели тысячу раз, когда он направляет нашу дискуссию, следит за ней, то есть он руководит.

Что есть руководство? Это навязывание своих целей, своих принципов, не правда ли? Но в данном случае это идёт на пользу. То же самое происходит в любом обществе, в любом — без этого нельзя. Мы все, извините, хотя, так сказать, и гомо сапиенсы в какой-то степени, во всяком случае, наверное, большинство, но тем не менее животные — тут ничего не можем с этим поделаться. И посмотрите, пожалуйста, на собачью стаю. Старый вождь этой стаи, старый самец, охраняет территорию и, кстати сказать, своё достоинство — что очень важно для него, для стаи, в том числе для самки, он за всем этим следит. Рядом появляется щеночек. Сначала он

В. В. Бортко

не обращает на него внимания. Но вот щеночек растёт и дальше думает: а почему я, собственно, должен быть щеночком, чёрт возьми, почему я не займу это место! И если может, то занимает его, а если занимает, дело идёт на пользу стае. Это абсолютно точно.

Ещё один пример, совершенно жуткий и невероятный. Мы с вами стоим у стен крепости, нам нужно её взять — мы с вами солдаты. Что делать? что, как? Вперёд лезть, на стенку, рискуя жизнью, — ради чего, зачем? Пример — пожалуйста, кинофильм «Пётр I»: «В крепости водка и бабы. Ребята, за мной!» — есть цель. Хорошо ли это? Да уж прямо скажем, не очень. Но это нужно сделать, иначе эту крепость не взять. И так далее, и так далее, и так далее.

А теперь по поводу шляпок и всего остального. Как-то в зоопарке на Канарах (на Канарах, кроме зоопарка, ничего хорошего нет; зоопарк там замечательный) я наблюдал горилл. Очень интересная вещь: ходят гориллы — самки в основном, молодые самцы, а рядом на пригорке сидит старый самец и держит перед собой веточку. Я наблюдал минут двадцать, просто было интересно — он не двигался, держал перед собой веточку: это я, я здесь главный!

Но рядом я видел подрастающее поколение, которое тоже брало веточку, но прятали её за спину. Это будет развиваться дальше — будет ли это агрессией? Конечно, да. На пользу или нет? Бесспорно на пользу. Без агрессии нет развития — мир остановится. Другое дело, что эта агрессия должна быть каким-то образом управляемой — иначе просто все друг друга перегрызут, что и делается.

Вы говорите: вера в ту жизнь. Кто так сказал? Все? Ну, не знаю, мой друг Карл Маркс так не говорил. А если я не верю в это, просто не верю, что мне делать? Наверное, если Бога нет, то всё позволено. Нет, не всё. Для этого существуют социальные ограничения. И мы должны, наверное, следить за этим. Ибо есть, как мы совершенно правильно считали, допустимость нанесения ущерба, я бы сказал, некоей общности, и это определяет наше отношение к агрессии, ко всему остальному. Только это, и более ничего! Этика — производная отсюда. Было бы по-другому — этика была бы другая.

Этика есть производная наших социальных отношений, не более того, как ни странно.

(Р. Г. Апресян: «Странно».) Я говорю это как убеждённый марксист. Значит, задача наша — понять, что это неискоренимо, оно никуда не денется. Значит, это нужно зажать в какие-то рамки. Я не говорю о психопатах — это совершенно другая история. Тут понятно, что нужно делать: лечить надо и держать их, не знаю, где. Я говорю о так называемых нормальных людях, хотя границы нормы широки, но тем не менее об условно нормальных людях.

Значит, задача, прежде всего, социальная — создать организацию, хотя бы Организацию Объединённых Наций, как минимум, которая будет определять, что хорошо, что нет, кто агрессор, кто нет. Хотя в принципе и здесь закон волчьей стаи или собачьей стаи работает: кто силён, тот и прав, мы это видим каждый день. Я хотел бы, чтобы меня сейчас разубедили. Так сказать, извините, пожалуйста, Рубен Грантович, убедите меня в том, что я глубоко неправ.

Р. Г. Апресян

Вы вроде бы возражаете, а непонятно...

В. В. Бортко

... чему?

Р. Г. Апресян

В чём возражение?

В. В. Бортко

Возражение в том, что агрессия — это естественно.

Р. Г. Апресян

Я это услышал. Я и говорю, что Вам кажется, что вы возражаете. Нам надо определить предмет обсуждения. Когда я сослался на тех, кто верит в загробную жизнь,

я же ничуть не солидаризировался с ними. Наоборот, я дистанцировался по отношению к ним и отметил, что тем, кто верит, проще решать эти дела, потому что центр тяжести в решении вопросов и, самое главное, в оценке происходящего у них перенесён в иной мир.

Причём то, что Вы говорите сейчас об агрессии, связывая с тем, что агрессия выполняет какую-то позитивную роль, говорил в своё время упоминавшийся уже сегодня Конрад Лоренц. Это была его ключевая идея — о конструктивной роли агрессии. Но он агрессию понимал по-другому. Что и подсказывает нам, что отождествлять агрессию и насилие непродуктивно. Будем считать, что агрессия — это действия, выходящие за круг сложившейся «сферы влияния» деятеля (видите, я ничего не говорю в связи с агрессией о том, по отношению к чему/кому она направлена). Насилие — это действия, прямо или косвенно ведущие к понижению статуса человека, которого они затрагивают, против которого они направлены (здесь в центре внимания оказывается не характер действия, а другой как объект действия).

Всякие этологические экскурсии — это очень интересно. В YouTube сейчас можно найти массу материалов, аналогичных тому, что вы наблюдали воочию. Что меня здесь настораживает, так это то, что в сравнениях человеческого общества, человеческих взаимоотношений с отношениями в стае животных, даже высших — приматов, не учитываются существующие принципиальные различия. Собственно говоря, культура и моральные нормы как нормы культуры вырабатываются для наложения ограничений на естественные — естественные! — инстинктивные движения для определения позиций, прерогатив, привилегий и т.д. Мы можем формально определить, что такое агрессия. Но что содержательно внутри, в каких конкретных действиях будет выражаться агрессия, а что будет восприниматься нами как вполне терпимая вещь, — определяется социокультурно, я с этим совершенно согласен.

С. Н. Ениколопов

Ещё я хочу добавить. Недавно вышла у нас книга Вааля¹⁰ «Политика у шимпанзе». В BBC сняты фильмы по этому исследованию. У Вааля там и мораль, и пр.

Р. Г. Апресян

Нет, у него не мораль.

С. Н. Ениколопов

У него есть ещё книга про мораль [«Истоки морали. В поисках человеческого у приматов». Альпина нон-фикшн, 2014].

---

¹⁰ Францискус Бернардус Мария (Франс) де Вааль (нидерл. Fransiscus Bernardus Maria (Frans) de Waal; р.1948 г.) — нидерландский приматолог и этолог.

Р. Г. Апресян

У него — *представление о морали.*

С. Н. Ениколопов

Да, у него представление о морали. А другая книга называется «Политика у шимпанзе» — вот как они как раз с веточкой там и про борьбу. Но там же борьба тоже очень своеобразная: группа переструктурировалась, и всё, эта толпа молодых подчиняется уже опять одному. Структура держится жёстко.

В начале выступления я говорил о том, что очень важно, как определять. Насилие и агрессия очень часто совпадают, они действительно синонимичны. Иногда применительно к семейному насилию никто не говорит «семейная агрессия», а говорят «семейное насилие», или «изнасилование», или ещё что-то.

Но есть такие несовпадающие вещи. Вот все здесь присутствующие — жертвы насилия, потому что нас насильственно, но не желая нам вреда, заставили пользоваться ножом и вилок, научили держать ручку либо в правой, либо в левой руке. Есть-то лучше было, конечно, без всякого ножа и вилки, а так, рукой. Но мы научились завязывать шнурки, одеваться и т.д. Потом это насилие — загнали людей в музыкальную школу. Жалко их. Но ведь ничего, получилось. И ни один из родителей не считал, что делает это во вред, из вредности.

А вот агрессия — это всегда нанесение вреда. Потому эти понятия и разводят, хотя частично они совпадают. Частично есть агрессия без насилия, просто без всякого действия: я сижу на берегу и смотрю, как кто-то тонет, пальцем не пошевелю, никаких действий не предпринимаю, пускай тонет. А есть насилие без агрессии.

Р. Г. Апресян

А первый случай — это что такое, когда пальцем не пошевелю?

С. Н. Ениколопов

Агрессия: «Я же знаю, мне только трудно сдержаться». Почему-то в американских учебниках очень любят идиотский пример, на мой взгляд: человеку не сообщают, что балкон, на который он хочет выйти, давно разобран. Ну, если он ещё и слепой, то и хрен с ним. Но в реальной жизни намного чаще, на мой взгляд, когда очень хочется посмотреть: я знаю, что начальник встал с левой ноги, и очень хочу посмотреть, как вы войдёте к нему и вылетите оттуда. Главное, потупив глазки, не показывать этого ожидания. Ну, а самое «крутое», конечно, просто не оказывать никому помощи.

Р. Г. Апресян

Мне кажется, очень важно ввести какие-то правовые определения, правовые не в смысле юридические. Вот для меня — я следил внимательно за презентацией

и определением насилия — для меня важно в насилии то, что насилие — это понижение статуса.

С. Н. Ениколопов

Это угроза.

Р. Г. Апресян

В каком смысле?

С. Н. Ениколопов

Насилие — это ответ на угрозу в понижении статуса.

Р. Г. Апресян

Не обязательно. В сказанном насилие определяется как реактивное действие.

С. Н. Ениколопов

Да.

Р. Г. Апресян

Но насилие мы можем определить как инициативное действие.

С. Н. Ениколопов

Да, да.

Р. Г. Апресян

Любые действия, которые ведут к понижению статуса объекта действия, следует рассматривать как насильственные.

Извините, Ваши [В. Бортко] первые примеры по поводу того, что мы являемся жертвами агрессии ведущего или режиссёра, или ещё кого-то, — я бы никогда не стал расценивать ни как агрессию, ни как насилие. Потому что вот это сообщество здесь — это результат некоторой не проговорённой, не обозначенной, но конвенции. Если мне не нравится, я могу выйти, и никто мне не воспрепятствует.

А. Н. Привалов

Но всякая конвенция так или иначе ограждается насилием или угрозой насилия. Насколько сильная конвенция, настолько сильна угроза.

Р. Г. Апресян

Конечно же, это не так, извините.

А. Н. Привалов

Это всё перетекание слов, одно в другое, и ничего более.

Р. Г. Апресян

Я не думаю, что это перетекание слов. Я не думаю, что каждая конвенция ограждается угрозой насилия. Вот я привёл пример конвенции присутствующего здесь сообщества. Какое здесь, извините, может быть насилие?

А. Н. Привалов

Конвенция. Значит, если вы нарушаете какие-то неписанные правила, вас сюда просто больше не позовут. Насилие минимально, но и конвенция минимально строгая.

Р. Г. Апресян

Это не значит, что произведено насилие, если сюда кого-то не позовут.

С. Н. Ениколопов

Ну как? А он обиделся!

А. Н. Привалов

Он вычеркнут.

Р. Г. Апресян

Не путайте «обиделся» с нарушением прав. Человека сюда не позовут, если он ведёт себя неподобающим образом, не соответствующим сложившейся здесь конвенции. Исключение человека за нарушение сложившихся здесь предполагаемых правил — это не есть насилие, это осуществление права.

А. Н. Привалов

За счёт его прав.

Р. Г. Апресян

В каком смысле «за счёт его права»?

А. Н. Привалов

Ну, предполагается, он хочет тут присутствовать.

Р. Г. Апресян

Его права в качестве члена сообщества — это общие права. А то, что кому-то нравится или не нравится, — это совершенно другая история.

А. Н. Привалов

Хорошо, продолжим выступления. Михаил Иванович, прошу!

М. И. Москвин-Тарханов

У меня два маленьких замечания по вопросам этики. А дальше всё-таки мы возвращаемся к проблеме агрессии. Для меня не очень понятно вообще существование секулярной этики вне христианской традиции. Бердяев в своё время определил это так: человек произошёл от обезьяны, и поэтому он должен отдать жизнь за други своя. Вот эта абсурдность атеистической этики сама по себе интересна, она представляет собой только социальный штамп. Это примитивное табуирование, не более того.

А. Н. Привалов

Прошу прощения, но это агрессия — вот то, что вы сейчас говорите.

М. И. Москвин-Тарханов

Безусловно. Поэтому я сразу уйду от этой темы. А вопрос агрессии...

А. Н. Привалов

Покажите пример христианского смирения.

М. И. Москвин-Тарханов

Да, действительно, может быть, это прозвучало агрессивно. Хотя, в общем-то, это всего лишь утверждение, которое может быть воспринято нейтрально.

И второе — по поводу христианской этики: отмщение как возмездие посмертное. У апостола Павла есть следующий текст: повинуйся начальнику не за страх, а за совесть, — Послание к римлянам — ибо не напрасно он носит меч: отмститель за злое. Я немножечко, может быть, ошибаюсь, цитируя. Делай добро и уклоняйся от зла, и получишь от начальника похвалу. Это прямой текст апостола Павла¹¹. Так что существует какой-то начальник, который носит меч и который, так сказать, за вас разберётся с вашими проблемами, — и это государство. Это государство, внеэтическая машина, которая имеет монополию на насилие. Ну, как было сказано, так оно и было сказано, я же цитирую Евангелие.

И вот что интересно — теперь по поводу самого главного, о чём я хотел сказать. Когда-то, в X веке, исландцы были ужасом всей Европы. В XVI веке в Исландию приплыл арабский корсар и нашёл бедное, жалкое, негодное к сопротивлению население, абсолютно покорное. Всё агрессивное уплыло на завоевания. И вот дальше, когда

---

¹¹ Новый Завет. Послание к римлянам святого апостола Павла. Глава 13: 1–13:5:

1. Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. 3. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от неё, 4. ибо *начальник* есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. 5. И потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания, но и по совести.

мы смотрим переселение народов, мы всегда видим голову переселяющегося народа — каких-нибудь готов, гуннов и т.д., и тех, кто остался, которые становятся жертвами следующих лангобардов, следующих франков и т.д.

Всегда есть голова переселяющегося народа — агрессоры, и его хвост — миролюбцы. Даже возьмём Белоруссию — спокойный, тихий народ, оставшийся там после переселения части людей внутри великих княжеств Литовского и Русского на юг, на украинные земли. Там собрались личности совершенно другого характера — Запорожская Сечь. Возьмём Россию. Центр России — крепостное право, и её периферию — казачество, поморы и т.д.

Вот не является ли агрессия и насилие всё-таки генетическим феноменом, причём описываемым популяционной генетикой? И не принимаем ли мы многие вещи, связанные с тестостероном, гормоном, с серотонином, с дофамином, с определёнными регулятивными функциями мозгами, — за социальные? Может быть, это всё-таки биология больше?

Вопрос и постановка вообще, так сказать, темы: мне кажется, что биологическое преобладает в понимании агрессии.

А. Н. Привалов:

Замечательно! Вот Ваши бы слова кому-нибудь в уши. Но беда в том, что мы тут все констатируем резкое нарастание фона агрессии за последние два-три года. Чего-то я не думаю, что генетика так успела. Ну, всяко может быть.

Прошу, Алексей Дмитриевич, Вы хотите выступить?

А. Д. Воскресенский

Я хотел бы прокомментировать первое выступление и дискуссию, которая развернулась дальше.

Мне кажется, что правильная постановка проблемы — это всё-таки разделение социального и биологического. Наверное, поэтому Сергею Николаевичу [Ениколопову] было задано так много вопросов. Мы здесь в основном всё-таки специалисты в социальной области, поэтому нас так всех и интересовала эмпирика, связанная с биологией. Я, честно говоря, несмотря на развернувшуюся дискуссию, для себя окончательно не смог сделать однозначного вывода, какую часть в человеке составляет социальное, а какую — биологическое. Это первое.

Теперь вторая мысль, которая мне показалась интересной для комментирования. Я занимаюсь Китаем, и в связи с обозначенной проблемой агрессивности, насилия и т.д. и администрирования, т.е. в области управления государством или какими-либо его институтами, я вспомнил круглый стол Никитского клуба, посвящённый древним китайским концепциям управления, оценкам природы человека. Какова природа человека — изначально зла или она портится в ходе социализации — и, соответственно, как человеком управлять, используя знания о его природе.

Среди древних китайских философов, которые занимались этой темой, конечно, Конфуций, Мо-цзы, легисты¹² и даосы. Важно отметить, что все эти школы возникли в тот период, когда государство переходило стадию от прото-государства к собственно государству, т.е. когда государство как «аппарат насилия» — если пользоваться марксистской терминологией — только начинало формироваться. Поэтому в части этих древнекитайских концепций, с одной стороны, мы видим апелляцию к обществу как высшей ценности, потому что государства ещё не было или оно только-только начинало формироваться.

А с другой стороны, оно — государство — уже начинает появляться, и по крайней мере у легистов и частично у моистов, в меньшей степени у конфуцианцев и ещё в меньшей степени у даосов, философы осмысливают взаимоотношения людей в обществе в связи с появлением государства. В частности, в связи с обсуждением природы человека с точки зрения как взаимной реакции человека и государства, так и с точки зрения социального управления процессом этих взаимоотношений.

Размышления древних китайцев о природе человека и устройстве социального мира в исторический период начального формирования инструментов насилия государства, которое форматирует хаотическое социальное для выполнения определённых упорядоченных социальных функций, важны для полноты понимания исторической эволюции этого процесса, а возможно, и с точки зрения понимания сегодняшнего протекания этих процессов.

В связи с этим я просто обозначу одну из точек зрения на этот вопрос, но не буду её подробно аргументировать за неимением времени. В научной литературе довольно мало об этом написано, но я читаю курс лекции по истории Китая и у меня есть цикл специальных лекций о древней китайской философии, о социально-политических воззрениях древних китайцев и о том, как эти концепции эволюционировали в истории вплоть до настоящего времени.

Если излагать, что китайцы написали в то далёкое время по социально-политическим проблемам, то обязательно нужно рассказывать о даосских концепциях управления государством, связанных с концепцией *у-вэй* — недеянием, которое иногда иронично переводится примерно так, как Вы говорили: сидеть на берегу реки и смотреть, что происходит в государстве. Именно поэтому даосизм обычно не связывается напрямую с социально-политическим управлением, а скорее, с философией и мистицизмом.

Однако в реальности, если обратиться к китайским первоисточникам, речь идёт именно о системе управления, но такой, которая основана на управлении, максимально приближённом к тому, что происходит в Мировом Космосе, включая, в частности, и общество как его составную часть. Задача правителя с точки зрения этой

---

¹² Легизм (*legisme, legalism*) — другое обозначение школы «фа цзя» — «законников», одного из основных направлений древнекитайской этико-политической мысли.

А. Д. Воскресенский

даосской концепции — не насильственное переустройство общества и человека, а направление развития в русле общего космического движения по правилам Мироздания или пути Дао, как он представлялся древним китайцам.

Несмотря на разную трактовку этих социально-политических учений древности в последующие исторические периоды, включая современность, мы точно можем сказать, что человечество ещё там, на заре своего существования, обозначило разные векторы развития социального и его корректировки, т.е. корректировки биологической стороны человеческой личности, о которой мы сейчас говорим. Этой же проблеме была посвящена дискуссия между конфуцианцами, легистами, к которой позднее присоединились и последователи Мо-цзы, о природе человека и о том, как она может использоваться при управлении социумом.

Почему мы сегодня мало говорим об этом и обращаемся к этим вопросам как к чему-то новому? Моя версия: это связано с тем, что ненаследственные (или наследственные) институты и инструменты передачи знаний перестали передавать знание о разном видении природы человека. И перестали обучать тому, как природу человека максимально ненасильственно приспособить к социуму, вписать в гармонично

управляемый социум, как управлять этой природой без обязательного применения насилия, что всегда вызывает ответное насилие и агрессию. Кстати. Может быть, в этом и кроется ответ на то, почему агрессия возрастает в настоящее время. Почему к тому, что уже было намечено и обдумано в истории человечества, мы сегодня возвращаемся как к чему-то абсолютно новому?

С. Н. Ениколопов

К чему?

А. Д. Воскресенский

В частности, и к разделению социального и биологического начал, и к способам управления, социальной корректировке биологического начала в человеке.

С. Н. Ениколопов

Можно, я сразу отвечу, чтобы не уходить далеко.

Каждая попытка или достижение биологов в своих исследованиях тут же находит применение для объяснения чего-то. Ещё со времён Ламброзо¹³, когда научились что-то мерить и фотографировать, в криминологии возникли антропологические модели: характерные уши, надбровные дуги и пр. Открыли лишнюю Y-хромосому — тут же стали говорить, что все насильственные преступники имеют лишнюю хромосому. Убедили, что нет, это не проходит. В общем, с каждым достижением возвращались к этому самому вопросу социального и биологического.

Есть ещё такой старый эксперимент, который провёл Дельгадо¹⁴. Одну и ту же обезьянку помещали в разные вольеры, где она занимала разный социальный статус: в одной — высший, в другой — средний, а третьей — самый нижний. Потом раздражали мозг электрическим током, зная, что она будет вести себя агрессивно. В первом случае она мордовала всех. Во втором — всех стоящих ниже, но не трогала стоящих выше. И в третьем — переворачивала посуду, ломала всё, что попадало под руки, и не трогала ни одной обезьяны, отлично понимая, кто она. Это всё одна и та же обезьяна.

А. Н. Привалов

Нам ещё рассказывают, что мы умнее. Это фантастика!

А. Д. Воскресенский

Всё-таки социальная составляющая может корректировать поведение?

---

¹³ Ломброзо (Lombroso) Чезаре (1835–1909) — итальянский врач-психиатр и судебный медик, основатель антропологической школы в уголовном праве и соответствующего направления в криминологии («ломброзианство»).

¹⁴ Дельгадо (Delgado) Хосе Мануэль Родригес (1915–2011) — испанский врач, нейрофизиолог.

С. Н. Ениколопов

Вы понимаете, дело в том, что у нас действительно плохо развито понимание, как это биологическое преобразовывается. В последнее время очень активно анализируется такая социальная эмоция, как отвращение. На этом построена практически вся мораль. В чём состоит угроза? «Не пей из копытца — козлёнком станешь». Гигиенический запрет и указание, чем обернётся нарушение запрета: если ты этого не сделаешь, то произойдёт то-то и то-то, вплоть до смертной казни. Угроза, но в первую очередь — на отвращении.

На отвращении построено описание врага. Враг всегда таракан, паук, змея и мерзость. И здесь все ведут себя одинаково. Есть американская работа, анализирующая плакаты времён войны обеих враждующих сторон. И я когда увидел эту книгу, то был поражён. Помните, в конце 1980-х были разговоры, кто у кого что украл, например, этот жест со средним пальцем. Здесь выяснилось, что красть ничего не надо, все одинаковы: враг у всех мерзкий, крысообразный или как таракан. А наш герой, где бы он ни был, во все века с мячом и ребёнком на руке. Даже японец.

А. Н. Привалов

Ну, у японцев тоже есть дети. Дмитрий Борисович, прошу Вас!

Д. Б. Зимин, президент Фонда некоммерческих программ «Династия»

Спасибо большое! Почти в силу служебных обязанностей мне за последнее время пришлось полистать несколько, на мой взгляд, совершенно блестящих книг по экологии, биологии, зоологии на соискание премии «Просветитель». И там я для себя узнал несколько вещей, которыми хочу поделиться. Может, это банальность, а для меня оказалось новым и интересным.

Я увидел нечто общее в причинах драк детей в песочнице и мировых войн. Это общее, заложенное в природе, в генах, инстинктивное стремление, между прочим, главным образом мужских особей к лидерству и доминированию. Желание стать вождём, доминантой, иногда любой ценой. Подчас это жажда доминирования оказывается сильнее других инстинктов, в том числе инстинкта самосохранения — готовность идти на любые жертвы и пр.

Став доминантой в стае, из своих эгоистических интересов доминант поощряет воинствующий патриотизм и ксенофобию. Это не сложно сделать, поскольку с удивлением прочёл фразу: «Ксенофобия совершенно чётко замечена ещё на уровне микробов». Власть доминанта и сплочение вокруг него усиливается, когда появляется (наверное, выдумывается) враг. Ну, вот доминант — вожак в стае (наверное, это и к человеческому обществу относится) инстинктивно заинтересован во врагах, внешних или внутренних. Такая стая с обожаемым бессменным вождём во главе представляет угрозу для себя и окружающих.

Д. Б. Зимин

Вместе с тем в человеческом обществе жажда доминирования является одним из факторов великих открытий и свершений. Без неё, наверное, не было бы открытия Америки, великих научных достижений и т.д.

Способы борьбы с отрицательными последствиями инстинкта агрессии и стремления к доминированию в обществе довольно долго изучались, и в тех обществах, где удалось преодолеть обычаи стай, действует ограничение власти доминанта, разделение властей и т.п. Решительный шаг в этом направлении в человеческом обществе был, наверное, сделан буквально за последние десятки лет, когда мы стали понимать, осознавать, что, скажем, войны между Францией, Англией, Италией представить невозможно. Эти страны воевали столетиями, сейчас это невозможно себе представить, хотя мы знаем, между какими соседними странами представить это можно.

Это, пожалуй, всё, что я хотел сказать.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Борисович. Хотя, честно говоря, немножко странновато. Надо ли понимать так, что у добрых французов, немцев и итальянцев исчезло стремление самцов к доминированию? Я так понимаю, что всё-таки нет.

Д. Б. Зимин

Минуточку. Вы не услышали то, что я сказал.

А. Н. Привалов

Что их научились обуздывать? Ну-ну, ну-ну.

Д. Б. Зимин

Что в этих обществах научились ограничивать власть доминантов.

А. Н. Привалов

Я думаю, что всё гораздо проще. В этих странах настолько переплетены хозяйства, что им некуда выстрелить. Но это дело вкусовое, как хотите.

Д. Б. Зимин

Ну, я говорю только лишь то, что написано в книжке.

А. Н. Привалов

Хорошо, продолжим. Татьяна Николаевна, прошу.

Т. Н. Юрлова, *первый вице-президент Газпромбанка*

Сегодня в дискуссии, в обсуждениях мы говорим о природе агрессии, о возрастании агрессии. По-моему, об уменьшении агрессии в каких-то областях человеческой жизнедеятельности никто не говорил.

Одна достаточно известная персона рассказала мне о недавнем своём присутствии на приёме у Папы Римского, где в специальной проповеди для этого приёма он говорил о возрастании, неумеренном возрастании страха в человечестве. По-моему, страх это, в общем-то, ответная реакция на агрессию.

Я хотела бы спросить вот о чём. Говоря об увеличении агрессии в сетях, о межгосударственных и межчеловеческих конфликтах, есть ли исследования уровня агрессии по сравнению с предыдущими временами, насколько возрастание агрессии грозит человечеству вообще?

С. Н. Ениколопов

Общего такого исследования, на уровне государств, нет. Есть исследования насильственной преступности во всех странах, в том числе по параметрам на душу населения, скажем, на 100 тысяч человек, и общее число. Есть страны, где этот показатель зашкаливает.

В 1990-е годы у нас это было нечто, о чём даже говорить не очень хочется. Я просто приведу пример: 1985 год, в Советском Союзе 240 млн жителей и примерно 24 тысячи убийств. А в 1991 и 1992 годах в России на 140 млн населения — 32 тысячи убитых и примерно 32 тысячи потерянных, то есть людей, которых стали находить

уже в 2000-е годы. Сейчас этот показатель падает, сейчас у нас где-то около 28 тысяч убийств в год, почему я и сказал, что советского уровня мы ещё не достигли.

Способы достижения очень разные. Американский способ предельно простой: больше миллиона народа в тюрьме, шесть миллионов в пробации, то есть просто под наблюдением [от англ. probation — испытание, форма условного осуждения], всего семь миллионов. Это один способ. Другие страны идут другим путём: кто-то выстраивает более гуманную, кто-то менее гуманную структуру.

Сказать, что сейчас Англия, Франция и Италия не готовы к войне между собой, можно, но нет гарантий, что её не будет. Я недавно видел одну работу, где автор говорит, что в мире самые благополучные периоды с точки зрения преступности — первое десятилетие XX века и первое десятилетие XXI века. Поэтому он мрачно смотрит на последующие годы. Не обязательно в 14-м, можно и в 24-м, но тенденция важна: за что драться будем, вот о чём речь.

Конечно, работает то, что наш коллега Назаретян [Акоп Погосович], специалист по культурной антропологии и психологии массового поведения, называет «социогуманитарным балансом». Это когда вы придумываете какое-то супероружие, то человечество начинает биться над тем, как умерить ваши аппетиты. Появляется, например, атомная бомба и потом, через 15–20 лет, возникают пакты о запрещении испытаний в воздухе, под землёй и пр. Здесь попытка каким-то образом, этими законами, сбалансировать ту самую активность доминантов, которая должна быть подавлена. Лучше закон действует или хуже, но уголовный закон направлен точно против них.

Я считаю серьёзным показателем показатель убийств, причём лучше рассматривать долю корыстных убийств. В неблагополучной стране корыстные убийства растут, а в стране, где есть некий социальный оптимизм, они падают. Должен сказать, что всегда возникает временной хвост: это происходит не буквально, когда сказали, что хорошо живём, и тут же появляется халва во рту, а немного позже. В Москве в 1967–1969 годах, в ответ на «потепление» и социальный оптимизм в начале 1960-х — 9% корыстных убийств. А потом всё стало расти и расти, до сих пор росло, и только сейчас стало немножечко падать.

А. Н. Привалов

Да и то, может быть, по эстонскому образцу [за счёт уменьшения молодёжи; см. выше].

Т. Н. Юрлова

Я прошу прощения, можно уточнить? Я всё-таки имела в виду некий такой интегрированный показатель. Нет такого показателя. И наше ощущение обывателей, смотря телевизор и читая прессу, информацию в сети...

Т. Н. Юрлова

С. Н. Ениколопов

Вот это не надо делать.

Т. Н. Юрлова

Конечно, не надо, да, но мы всё равно это делаем.

С. Н. Ениколопов

Это заражает просто.

Т. Н. Юрлова

Но мы всё равно это делаем. Это ощущение из СМИ и т.д. соответствует всё-таки тенденции возрастания агрессии во всех областях или это просто внешний такой раздражитель?

С. Н. Ениколопов

Нет, это одновременно и раздражитель. Понимаете, тут ведь такая вещь, что чем больше накручивают испуганные... Ведь на телевидении и вообще в СМИ работает

огромное количество тревожных, пугливых, агрессивных людей. И они очень часто свои собственные страхи изживают вот как катарсически: на лист бумаги написал — и уже успокоился. Снял [на ТВ] — и успокоился. Они-то делают это как бы для себя, но боимся-то в итоге мы, потому что нам кажется, что такова реальность.

Т. Н. Юрлова

Но она действительно такая.

В. В. Бортко

Небольшая справка. Можно? Там на телевидении работают, извините, совершенно не идиоты, а абсолютно испуганные люди. Там работают разумные люди. Они зарабатывают деньги, вот что они делают. Они обеспечивают рейтинг власти. «За это вы делаете то, что нужно плебсу, мы туда не лезем». Вот это и происходит. Почему мы смотрим такое количество убийств и всего остального? Потому, что интересно: кто убил банкира? Просто, и снимать просто. Понятно, да? Вот и всё.

Р. Г. Апресян

Агрессия — это ведь не только насильственные художественные фильмы про «кто кого убил». Агрессия — это то, что мы видим на телевидении сейчас. Почему Сергей Николаевич и говорит, что не надо смотреть телевизор. Он имеет в виду конкретные программы. Агрессия накатывает из новостных передач, вот в чём беда. И поэтому, Сергей Николаевич, я бы не согласился с тем, что проблема в людях, которые такие программы делают. Они делают то, что им сказали делать. В этом смысле, разумеется, то, что сейчас происходит на телевидении и вообще в публичной сфере, это государственный проект — назовём его условно «госагитпроп», который фактически оказывается мощнейшим фактором роста агрессивных настроений и уровня тревожности в обществе, может быть. Рост уровня тревожности, агрессивности всё более обнаруживается в публичной речи, в разных её формах и проявлениях.

А. Н. Привалов

Рубен Грантович, извините Бога ради, телевидение — это вообще предмет пропаганды, и ничего больше. Везде и всегда, тоже мне новости!

С. Н. Ениколопов

Можно, я возражу? Я просто хочу возразить, потому что все увлекутся и будут верить в то, что сейчас произносится. Агитпроп — агитпропом, заказные вещи — заказными вещами.

Я проводил исследования, как обыватель воспринимает теракты. Никакого там заказа не было. «Дубровку» показывали без заказа, в лоб. Мы специально брали москвичей, чтобы посмотреть, как у них с посттравматическими стрессовыми расстройствами, то есть с тем, что ставится как диагноз участникам боевых действий, жертвам

насилия и т.д.: 21% москвичей с симптомами посттравматического стрессового расстройства — мы специально брали тех, у кого не было ни родственников, ни знакомых на Дубровке. Это простые обыватели, те, кто приходил домой, кушал свою сосиску и смотрел телевизор.

В отличие от участников, которые знают, что, может быть, последствия им не нравятся, но они знают, что может произойти ПТСР [посттравматическое стрессовое расстройство], здесь это нормальный обыватель. Ему в голову не приходит, что бессонница, плохое настроение, депрессия, раздражительность связаны с тем, что он сидел несколько дней и смотрел телевизор.

Вы понимаете, что тем, кто показывал это, никакого задания типа «накрути» не было. Проблема заключалась в другом. Я знаю, некоторые СМИ сделали меня персоной нон грата после этого. Но мы как-то выступали в качестве экспертов и сказали, что информировать обязательно надо, но только в подкорке должна быть одна мысль: не навреди! Это страшный инструмент. Более того, самое страшное не только в том, что люди пугаются терактов. Самое страшное, что лучшей пропаганды и привлечения в террор, чем телепоказ, для террористов нет. Они специально сейчас делают это с учётом, что их покажут по телевизору.

Журналистам обидно, что они — инструмент террористов, но именно так и есть. И в этом смысле — почему я и убедился, что многие из них совершенно не имели в виду никаких заказов, — это их собственный страх перед террористами толкает показать как можно больше ужасиков. Поэтому тут всё сложнее, тут нет такой линии, знаете, как вот партия сказала — журналист ответил: «да!». Но этого я тоже не исключаю.

А. Н. Привалов

В случае с «Дубровкой» всё-таки было ещё общее генеральное невежество. Совершенно незлые люди, на хороших теле- и радиостанциях в прямом эфире рассказывали, что вот им позвонил друг, и он сидит в такой-то примерке на таком-то этаже — будто специально, чтобы террористы его не пропустили. Это был ужас, совершенно очевидно несознательный. Ещё просто никто ничего не понимал. С тех пор всё-таки резко научились многому. Не хочу сказать, что сильно.

С. Н. Ениколопов

Сколько лет потратили.

А. Н. Привалов

Да.

Р. Г. Апресян

Я не пойму, почему возник пример с «Дубровкой», очень давний и совершенно из другой темы. Я имею в виду именно намеренное искривление. Там было какое-то

информирование, пусть и неумелое, глупое, по результатам своим безнравственное, но это совершенно не сравнится с тем, что сейчас происходит на телевидении, и в первую очередь на новостных и пропагандистских каналах. И осуществляется именно агитпроп, направленный на разжигание ненависти и межнациональной розни. Разве можно сомневаться в этом? У меня нет никакого сомнения. И журналисты делают то, что они делают, не для того, чтобы поднимать рейтинг телевидения. Другой вопрос, почему у новостных передач оказывается такой рейтинг? Общее возбуждение — мы можем видеть это по городским сумасшедшим, по содержанию их выкриков на станциях метро или на улицах. Мне кажется, мы переживаем очень тревожную и печальную ситуацию в политическом и государственном плане.

Как мне кажется, таким образом власть предполагает, что она осуществляет прививку против возможных проявлений народного недовольства. Насколько это эффективно, это другой вопрос. Уверен, есть более рациональные, человеко-ориентированные, общественно-заботливые средства решения этой важной и неперемнной для госвласти задачи — предупреждение народного недовольства. Только нынешняя российская власть не мыслит в категориях рациональности, гуманности, общественной заботы. Потом здесь, в общем, может быть, психологический вопрос: таким образом отыгрываются некоторые неосуществлённые амбиции, отыгрываются путём демонизации личных политических, я так подозреваю, личных противников. Что это принимает именно такие формы — вопрос, конечно же, эстетический. Почему это принимает такие формы, почему пропагандистское сопровождение политических конфликтов оказывается опосредствованным таким количеством лжи, порой дикой лжи, объяснить я не могу, этому нет никакого оправдания.

Т. В. Черниговская

Нет объяснения в этой системе координат, в Вашей. Есть другие системы координат, в которых можно всё это рассказать.

А. Н. Привалов

Всё-таки это фантастика! Демонизировать Яценюка даже я бы не взялся. Это дело хитрое — как ты вот его демонизируешь. На самом деле всё гораздо сложнее. Я по роду своей несчастной деятельности смотрю, например, украинские телеканалы довольно давно. Того уровня дикой ненависти к нам, который там был ещё в декабре, я представить себе не мог. С тех пор, естественно, веселее не стало. Так что всё гораздо сложнее.

Ваши сообщения об этике силы, об этической проблематике первого и ответного шага сейчас действительно чрезвычайно актуальны. Единственное — что ни в каком реальном конфликте ни один из участников никогда ни в истории, ни теперь, ни в будущем не признавал себя инициатором. Чтобы не ходить ближе — вот, значит, немцы 1 сентября 1939 года вторглись в Польшу. Да, но перед этим поляки нагло

разгромили радиостанцию «Гляйвиц», это знают всё. А что до этого несколько раз были нападения, реальные нападения польских спецназовцев на объекты на территории рейха, и рейх не реагировал — этого не знает никто. Но это было. И что-то было и до того, и ещё до того, и ещё — так что начала нет! Каждый всегда считает себя несправедливо обиженным — и отвечает. Поэтому всё гораздо сложнее. Ну, собственно, именно поэтому мы здесь и собрались, чтобы попытаться разобраться. Я же правильно понимаю?

Прошу Вас, Лев Александрович.

Л. А. Аннинский

Поскольку мне страшно говорить в таком собрании, беру в союзники Льва Толстого. Лев Николаевич гуляет по Хамовническому переулку в сопровождении Русанова Гавриила Андреевича и маленького русановского ребёночка (Андрея Гавриловича), который и опишет этот случай в воспоминаниях¹⁵. И вот они видят, что идут два офицера, великолепно одетые, замечательно экипированные. Русанов думает: «Боже мой, как же Лёв Николаевич отреагирует на этот ужас? Это же идут насильники, профессиональные агрессоры. Что же Лёв Николаевич сейчас скажет?»

«А молодцы!» — говорит Лёв Николаевич.

Этот эпизод впоследствии комментировали так: наверное, мужики-офицеры вышли из публичного дома и громко хвастались, как они употребили девок, вот Лёв Николаевич и сказал: «А молодцы!» Но для этого Лёв Николаевич должен превратиться обратно в того юнкера, который когда-то мог такое сказать.

А тут что? Куда интереснее понять, что на самом деле имел в виду Лёв Николаевич, почему он так отреагировал? Вот к этому я и вернусь.

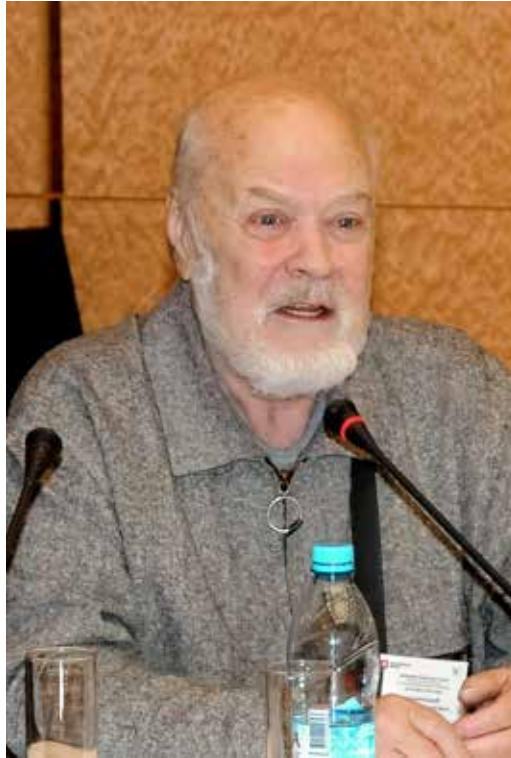
А пока скажу вот что. Когда разнеслась весть о том, что на Майдане началась эта жуть, когда стали бить палками по головам пришедшие сюда молодые люди, я подумал: а есть ли возможность какого-то договора, какого-то федеративного решения вопроса о том, где какой язык запрещать? И вдруг я почувствовал: да ничего этого нет и в заводе! В заводе — жуть.

Я не мог никак примириться с тем, что происходило на Украине, и сейчас не могу. Единственное, что я мог сам себе сказать: в человечестве, в природе его, в биологии его заложена вот та самая жуть, и её ничем не изменишь. И время от времени она будет выявляться. Пока где-нибудь в Сирии, Ливане, Лаосе, в Китае, то ещё для нас терпимо, потому что далеко. А тут — на Украине? Ближе некуда! Тут уж нам врезало! Так во всех нас это тоже есть?!

И сегодня в ходе нашего обсуждения я почувствовал два неизбежных уровня разговора. С одной стороны, социологическая попытка справиться с тем, что

---

¹⁵ Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883–1901 гг.

Л. А. Аннинский

происходит. И эта социологическая попытка также опирается на врождённое в человечестве сопротивление этой животной, агрессивной, кровавой жуть. А притом жуть остаётся и ждёт момента. Всегда.

Я должен сказать, что моё поколение, и я в частности,— мы сильно поменяли отношение к этой проблеме по ходу нашей жизни. Мы воспитаны были при советской власти в таком убеждении, что человечество можно улучшить, что вся эта жуть — преступное отступление от природы человека. И нужно воспитывать людей так, чтобы они не становились преступниками. Это же можно! Можно же с детства воспитывать так, чтобы они становились хорошими... и т.д.

А войну куда ты денешь? А война тоже следствие того, что в государствах берут власть нехорошие люди, которых тоже можно как-то... перевоспитать что ли... Вот в этом мы воспитывались, в это верили. Всё! С этой верой покончено по ходу нашей жизни. Мы были последнее поколение идеалистов, спасённой Великой Отечественной войны, которым казалось, что можно решить этот вопрос. Этот страшный вопрос.

Я не буду вам ничего формулировать, формулировку выдвинул замечательный писатель Фазиль Искандер, который сказал как-то с трибуны: *«Человека нельзя*

улучшить, его можно только на время умиротворить». Увы! Улучшить нельзя, сколько бы мы тут ни обсуждали эти социологические проблемы борьбы с преступностью, с насилием и т.д. Мы можем тут путаться, искать пути и методы, выяснять, что дальше делать! Ничего! Нужно исходить из того, что это природа человека, что никогда она другой не станет. Таковы мы, и нужно иметь дело с тем, что мы есть на самом деле. Потому что в нас же заложена способность к сопротивлению этой жути. Но от жути мы никогда никуда не денемся.

В завершение скажу следующее. Я, когда обдумывал реплику Льва Николаевича Толстого на этот счёт, думал: в нём же сидит и то и другое! всю жизнь. Он пишет «Исповедь», учит, что не надо сопротивляться насилию, что нужно подставлять вторую щёку и т.д.— это всё есть у него. Но как только начинается война на уничтожение, он начинает зло обличать и крушить дубиной, пока не сокрушит.

А где все эти идеи насчёт того, что надо улучшить, надо воспитать? Параллельно идёт то и другое. И вот это и было продиктовано Льву Николаевичу Толстому, когда он, глядя на замечательно экипированных офицеров, насильников и агрессоров, не удержался и вслед им сказал: «Молодцы!».

А. Н. Привалов

Спасибо, Лев Александрович. Это в каком-то смысле закольцовывается с тем, о чём говорил сегодня Р.Г. Апресян, наш второй докладчик. Потому что да, именно так, именно параллельно существуют какие-то вещи, которые трудно проговаривать в одной тираде. Да, Сократ говорил много ласковых слов о том, что не хорошо делать то и не хорошо делать это — «не прекрасно», как говорили на древнегреческом языке. Но Сократ был воин-пехотинец, и воин храбрый, вполне себе воевал. Равным образом Лёв Николаевич тоже в Крыму занимался некоторыми делами, трудно совместимыми с толстовством. Ну да, так оно и есть. Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу — Виктор Петрович Мазурик.

В. П. Мазурик, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. Ломоносова)

Если оставить в стороне вопросы, в которых я тоже не очень компетентен и знаю их только как гипотезы, — например, о росте социальной напряжённости при гендерной диспропорции вследствие искусственного выбора пола ребёнка (как в Китае и некоторых других странах), или, скажем, теория Чижевского о влиянии солнечных вспышек на социальные катаклизмы, — так вот если касаться только культуры, включая современную, то мне хотелось бы поддержать мнение Владимира Владимировича [Бортко] относительно телевидения и вообще массмедийной агрессии.

Мне доводилось иметь дело с телевидением, и не могу сказать, что я очень счастлив от этих контактов. И дело вовсе не в моральных или интеллектуальных качествах работающих там людей, но в информационной технологии, основанной на коммерческих принципах. Всем известна банальная истина: если собака укусила

человека — это не новость, а вот наоборот — это уже кое-что. Однако поставленная на конвейер эта технология делает маргинальное мейнстримом, так что обыватель привыкает видеть мир в кривом зеркале, и как это прекратить, похоже, никто не знает. Стоит на телевидении сделать хотя бы шаг в сторону действительно серьёзного разговора, как тебе намекают, что под угрозой рейтинг передачи, а точнее, бонусы от рекламщиков, которые платят деньги за то, чтобы им воспитывали не склонного к критическому анализу послушного потребителя товаров и символов.

Как историк культуры, знаю, сколь неадекватными бывают наши оценки собственного общества, не говоря уже о зарубежном, когда мы, например, пытаемся понять логику жестокости или милосердия. Христианская этика не во всём совпадает с идеей непротивления злу насилием. Христианин имеет привилегию прощать своих личных врагов, но не врагов Церкви, Отечества и т.д. Да и в светской этике, если при тебе обижают слабейшего, а тем более угрожают его жизни, неоказание помощи и защиты от агрессора рассматривается даже как уголовное преступление. Нелепо отрицать соблазн распространения советского влияния в Восточной Европе, но ведущим мотивом продолжения войны на вражеской территории было освобождение из концлагерей миллионов пленных, включая наших собственных.

Теперь о том, что нас пугает и возмущает в истории. Классический пример — тактика «выжженной земли», которую использовали средневековые самураи при взятии некоторых вражеских поселений — полная, так сказать, «зачистка» (яп. «минагороши»). Причём, казалось бы, себе в убыток, ибо при этом терялись рабы, данники и т.д. Зато подобные «психические атаки» надолго лишали противника воли к сопротивлению и обеспечивали лояльность по отношению к захватчикам. Ничего, так сказать, личного, тем более что понятие личности вообще не стояло в центре этой культуры.

Было ли сожжение Джордано Бруно избыточным средством «самозащиты» церкви? Во-первых, сжигая временные тела грешников, церковь стремилась спасти их вечные души, а во-вторых, католическая церковь, взяв на себя многие государственные функции, чувствовала себя ответственной за стабильность общества. А можем ли мы и сегодня быть уверенными, что распространение в умах средневековых обывателей идей Джордано о множественности миров, населённых разумными существами и т.д., не породило бы результат похлеще кампучийского «марксизма»? Всё хорошо на своём месте и в своё время. Идеи Джордано не пришлись ко двору фатальным для автора образом, но ведь хотели-то «как лучше».

Культура всегда работает на обуздание инстинктов. И самураи ценили китайский афоризм о том, что муж малой добродетели убивает противника кончиком меча, муж средней добродетели — кончиком языка, а высшей — кончиком кисти. В ходу было почитание «двойного пути — кисти и меча» (яп. «бумбу-рёдо»).

Урок, который даёт нам история: спасительность опоры на три воинских принципа — трезвение (бдительность), терпение (стойкость) и смирение (самоумаление).

В. П. Мазурик

Только в этом случае, считали самураи, можно победить своего самого опасного противника — самого себя и стать непобедимым воином. Мы же в своих оценках часто бываем «ленивы и нелюбопытны», а также излишне самонадеянны.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу, профессор Тамбовцев.

В. Л. Тамбовцев

Поскольку я не специалист в сфере психологии и политологии, а занимаюсь экономикой, то хочу начать с того, что мне очень понравилось появление среди разных типов насилия, в частности, и экономического насилия. Мне это очень созвучно.

Дело в том, что многие считают, наверное, со времён Вебера, что насилие — это вообще вне экономики, в экономике — только договорённости. Как мне кажется, эта точка зрения неверна, поскольку насилие — такое же экономическое действие, как обмен, как потребление, как производство. Просто специфика его заключается в том, что если, скажем, обмен создаёт дополнительную стоимость, то насилие всего лишь перераспределяет. В этом смысле насилие непроизводительно.

Но вспомним, что на протяжении всей своей сознательной истории человечество только тем и занималось, что отнимало друг у друга что-нибудь — не обменивало добровольно, а отнимало. Как писал поэт, «греки сбондили Елену», и далее по тексту. Это прекрасная поэтическая модель экономически используемого насилия.

А налоги? Что такое налоги? Да в чистом виде насилие. Разве мы добровольно платим налоги? Поднимите руки, кто добровольно платит налоги. Я свои держу прочно на столе. Поэтому экономика и насилие действительно не делимы, и это очень правильная позиция.

Но экономика точно так же не делима и от культуры, и от человечества вообще. Банальная истина: когда начался человек, уже современный? Когда было изобретено производящее хозяйство. До этого человек отличался от всякого рода хищников и всеядных животных только тем, что у него на более высоком уровне была коммуникация. Однако и после возникновения производящего хозяйства насилие вовсе не ушло из экономики: ведь отнять хорошо отшлифованный каменный топор много быстрее, чем шлифовать его самостоятельно.

Но коль скоро экономика и насилие неразделимы, то как быть с идеей развития, облагораживания, как сделать человечество лучше? Однако в каком смысле лучше? Ведь примеры насилия в экономике, прямого какого-то отъёма, вовсе не исчерпывают его роль в ней. Да, есть известная альтернатива *to do / to buy*, но есть же ещё *to force* (или *to lead*). Не только длительная история захватнических войн и пиратских набегов, но и окружающая нас действительность показывают, что это распространённый экономический вариант действий — отобрать: вот там бизнес чей-то понравился, мы его отберём.

Но только ли в этом смысл насилия в экономике и в культуре? Нет. По той простой причине, что культура — это не только ценности (спасибо тяжёлой, ну никак не лёгкой руке Хофстеде¹⁶). Культура — это прежде всего правила, нормы поведения. Но норма потому и норма, что за её нарушением следует наказание. Как говорили древние римляне, «*nulla lege sine poena*», то есть нет закона, если за его нарушение не предусмотрено наказания. А наказание — это по определению агрессия, это целенаправленное применение насилия или его угрозы. Чем занимаются правоохранительные органы? Они целенаправленно применяют насилие к тем, кто нарушает правила, и без этого никак.

Мне могут пытаться возразить, сославшись на конвенции. Кстати, конвенции и договорённости — это разные вещи. Вот классический пример конвенции: езда по левой или по правой стороне дороги (где-то сложилось по левой, а где-то по правой). Что происходит, если мы нарушаем эту штуку? Александр Николаевич уже упоминал замечательный анекдот про то, что здесь этих идиотов тысячи, которые едут не по той стороне.

---

¹⁶ Герт (Герард Хендрик) Хофстеде (нидерл. Geert (Gerard Hendrik) Hofstede, 1928) — нидерландский социолог и антрополог.

Так что происходит при нарушении кем-то конвенции? А что происходит, когда мы нарушаем законы рынка: никто специально меня не пытается наказать, если я пытаюсь что-то продать в два раза дороже, чем мой сосед, причём с тем же качеством. Вот простой пример: две старушки, у одной пучок морковки — 15 рублей, а точно такой же у другой — 30 рублей. Вы у кого будете покупать? Ответ очевиден: морковката одинаковая. Значит, вы невольно, нецеленаправленно накажете человека, который нарушает законы рынка. Если вы поедете не по той стороне дороги, и если вы не профессиональный гонщик или каскадёр, то вас накажут. Кто вас накажет? Законы природы. Это будет не агрессия, это не целенаправленное наказание, именно так происходит в конвенциях.

А в правилах всё не так, там есть специализированный механизм принуждения, и этим принуждением могут заниматься или специально обученные люди, или все, кто считает, что так надо себя вести. И вот этот последний случай самый интересный. Я немножко читал на эту тему, из области нейронаук.

Экспериментально установлено, что человек, который наказывает нарушителя правила, получает удовольствие. У экономистов было такое выражение, оно и сейчас встречается: альтруистическое наказание. Вроде бы я вот кого-то наказываю, мне никто ничего плохого не делает, но я предотвращаю какие-то действия, которые обществом (в кавычках) считаются неправильными, — я поступаю альтруистически. Опыт показывает, что в этом случае — в отличие от других, таких как помощь пострадавшим и т.п. — никакого альтруизма нет. Я получаю индивидуальное удовольствие от того, что наказываю кого-то. Но дело в том, что правила, предполагающие целенаправленное наказание нарушителей, то есть разновидность агрессии, бывают разные.

Правила бывают производительными, то есть они споспешествуют созданию стоимости, помогают людям жить. Но бывают правила и законы ровно противоположной направленности, которые мешают жить всем людям, за малым исключением. Вот если правила производительные в экономическом смысле, то насилие, связанное с их проведением в жизнь, тоже производительно. Парадокс, но так и есть. Если же правила непроизводительные, — ну как значительное число законов, которые принимает наш законодательный орган, — если они мешают развиваться экономике, вредят людям, то их исполнение, связанное с целенаправленным насилием, вдвойне непроизводительно. Вот что показывает простой экономический анализ всей этой ситуации.

И последнее, несистемное замечание. Упоминался господин Гроциус — человек юристами крайне уважаемый. Но в своих правилах он совершил, с точки зрения экономиста, совершенно недопустимую вещь: он предлагал сравнивать субъективные полезности. Речь идёт о пункте, где он говорил, что нечто оправданно, когда всеобщее благо превышает соответствующие затраты или потери. Но с точки зрения современной экономической теории это недопустимая операция. Я понимаю, Гроциус писал в XVII веке, но сегодня, мне кажется, юристам пора завязывать с такими

ссылками. Это всё равно, как сегодня утверждать, что земля стоит на известных крупных животных, и вообще она плоская — именно так сегодня смотрится утверждение Гроциуса про сравнение благ и ущербов.

А. Н. Привалов

Спасибо. Господа докладчики, хотите взять ответное слово?

Р. Г. Апресян

У меня одна реплика. Я нередко сталкиваюсь с реакцией такого рода: в ответ на этические рассуждения приводятся как бы в противовес ссылки на те или иные факты. Но этика — это не социология, она не описывает реальность. Этика пытается рационализировать ожидания, вытекающие из опыта, эти ожидания призваны организовать реальность. Я думаю, у этики или у морали здесь, может быть, даже ещё более тонкие претензии, а именно — задать некоторые ценностные рамки, в соответствии с которыми мы судим о том, что происходит. Это нам необходимо.

Вот здесь говорилось о культуре, и был интересный пассаж о социально-биологическом недоумении по поводу конфликтов, которые возникают, и другой пассаж относительно культуры — их было бы очень интересно соединить. И мне кажется, правила, которые я привёл в качестве примера (а это цельный корпус правил), ценны не тем, что они направляют чьё-то поведение, — политики и генералы никогда не прислушиваются к правилам, а тем, что правила дают нам некоторый инструмент для оценки политиков и генералов. И когда кто-то говорит, что они были всего лишь отвечающей жертвой, мы можем на это посмотреть с сомнением...

А. Н. Привалов

А все так говорят, это нормально.

Р. Г. Апресян

Не все. Почему все?

А. Н. Привалов

А Вы знаете хоть одного, кто так не говорит?

Р. Г. Апресян

Кто про себя не говорит? Ну да. Если мы возьмём Шестидневную войну, там ясно, что боевые действия начал Израиль, и какие у него были для этого основания.

А. Н. Привалов

Секундочку. Но все же говорят, что это была превентивная война.

Р. Г. Апресян

Если быть терминологически точным, это была *предупредительная* война, а не *превентивная*. Решение о нанесении предупредительного военного удара было принято на основе всего комплекса данных (разведывательных, военно-стратегических, военно-политических), указывающих на то, что Египет с союзниками готов обрушить на Израиль свой военный удар в течение ближайших часов.

А. Н. Привалов

Ах, извините, да. Так что всегда есть другой слой...

Р. Г. Апресян

Что важно подчеркнуть, к этике (как специальному рассуждению о морали) нельзя предъявлять претензии по поводу картины существующей жизни или существующих нравов. Этика анализирует нравы, мораль, критикует мораль, предлагая альтернативные нормативно-этические модели.

С. Н. Ениколопов

Значит, вот что меня поразило... Это какая-то проекция, я ни слова не говорил о том, чтобы улучшить человечество, вообще этим никогда не занимался. Мне бы констатировать. Более того, на мой взгляд, это единственный правильный путь — в том смысле, что если мы знаем, как это происходит, то легче приспособливаться. Я не просто так показал на слайдах про общество, комьюнити и пр.: переместился в другое место, и живи себе спокойно.

Ведь, понимаете, если два молодых человека бьют друг друга, то мы, как нормальные люди, начинаем орать «где милиция? разойдитесь», и пр. Появляются два других, ставят четыре колышка, натягивают канат и прочее, и мы с таким же восторгом начинаем орать, что правый-то, конечно, лучше, чем левый, ну, или в красной майке лучше, чем в зелёной. Для меня одним из самых интересных примеров было, когда в своё время наши впервые стали массово выезжать в 1980-е и 1990-е играть в НХЛ. Тогда выяснилось, что тафгаи — канадские хулиганы, которые защищают техничных игроков, то есть самые такие агрессивные ребята, кроме площадки, где они действительно агрессивные, — милейшие люди. Они либо шефы профсоюза этой команды, либо покровительствуют детским домам, играют с инвалидами ещё во что-то. Потом мы проводили исследование просто спортсменов, и выяснилось, что все, кто хорошо реализовывают себя на тренировке и в спорте, — кроткие люди в реальной жизни, а кто недорабатывает, тот хулиганит на улицах.

Поэтому, на мой взгляд, позиция наблюдения, исследования, понимания, что с чем связано, а не просто желание проорать что-то — вот это очень важно. Притом я даже не говорю о политике. Кафедры криминальной психологии, где я раньше работал, нет, её закрыли. Существует отдел юридической психологии, в котором я работал

с 1971 года по 1983 год. Только если нас тогда было 20 молодых людей, профессиональных психологов — практически все первые выпускники факультета психологии, — то сейчас там три человека моего возраста пишут какие-то отчёты, а не в поле пашут.

Это нежелание видеть правду. А когда не видишь правды, всё оборачивается всхлипами, что где-то надо что-то улучшить, что-то подлатать. На мой взгляд, реальное представление всегда лучше иллюзорного представления о реальности.

А. Н. Привалов

Спасибо, Сергей Николаевич. Если позволите, буквально две-три фразы в завершение — просто потому, что так положено.

Замечательно завершил свой ответ Рубен Грантович — что к этике не надо предъявлять претензий, она сама предъявляет претензии. Это глубоко правильно, собственно, в этом её назначение, и в этом её крайне ограниченная применимость. Потому что принципы, в соответствии с которыми более или менее современная этика, то есть та, которая без особых разговоров, по умолчанию, разделяется всеми присутствующими, — она чем хороша? Тем, что, в общем, понятна, а как её применить — немислимо трудно.

У меня есть такое детское впечатление. Совсем мальчишкой был, вот я чувствую, что я кругом прав. Приходит маменька-покойница, начинает мне объяснять, и выясняется, что я кругом виноват. И меня это страшно изумляло, потому что мы с маменькой одинаково понимаем, что добро, что зло, но я же прав, а она поговорила три минуты, и я виноват. Но когда я стал постарше, и сам стал уметь так — меня это удивлять перестало. Я думаю, что большинство здесь собравшихся сами так умеют, и это несколько затрудняет этический разговор в применении к чему-то конкретному.

А что касается нашего сегодняшнего обсуждения, на мой взгляд, оно было чрезвычайно интересным. Но я бы хотел обратить внимание собравшихся на то, чего в нём не было. В нём не было ровно того, чего мы все от него ждали. Того, чего мы ждали все конкретно.

Все, с кем я обсуждал эту тему, говорили примерно одни и те же слова. Говорили, что да, именно сейчас резко нарастает агрессия, мы все это ощущаем. Как это объясняется, какова перспектива, что с этим делать? И именно этот аспект темы практически не обсуждался. Причём докладчики-то могли выбирать любой аспект, который они хотели. Но спрашивавшие и выступавшие тоже этого не касались. Означает ли это, что в глубине души мы не хотим этого знать?

С. Н. Ениколопов

Это означает только одно — что Вам лично, и не только Вам, многим, только кажется. А в реальности вы видите кротких и милых людей.

Смех в зале.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, это исчерпывающий ответ на моё недоумение. Спасибо, господа, можно выпить за умиротворение.

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 69

«Психология агрессии и этика противостояния насилию».

Выпуск 69 — М., 2014. — 70 с.

Суть обсуждения, представленного в данном выпуске Никитского клуба, можно передать словами Конрада Лоренца, известного австрийского ученого, с которых начал своё выступление ученый-психолог С. Н. Ениколопов: «У нас есть веские основания считать агрессию наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития. Но если попытаться проследить цепь естественных причин ее возникновения — это может помочь».

Агрессия, имея биологические корни, проявлялась, и будет проявляться всегда. По словам С. Ениколопова, если знать, как это происходит, легче приспособливаться. Знать означает наблюдать, исследовать, понимать, что с чем связано. Приспособливаться — это уметь распознавать, предупреждать патологическое развитие процесса. Всё, как в случае с опасной для человечества болезнью.

ББК 88.546+88.544.4

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 69
«Психология агрессии и этика противостояния насилию»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото — Московская Биржа

Вёрстка М. Ю. Иванюшин
Подписано в печать 12.12.2014.
Заказ 15506. Тираж 200.

© Московская Биржа, 2014
© Никитский клуб, 2014